

Лекси Рок

Звезды над бездной

Лекси Рок

Звезды над бездной

«Автор»

2026

Рок Л.

Звезды над бездной / Л. Рок — «Автор», 2026

Она думала, что он мертв. Он забыл, что любил. Чтобы избежать ненавистного брака, Кристин Уиндмор совершает отчаянный побег из отцовского замка. Ее путь во Францию полон смертельных опасностей, но именно там судьба сводит ее с Джейсоном ОДоннеллом. По дороге в Марсель между ними возникает глубокое чувство. Под южными звездами они приносят друг другу клятвы вечной любви. Но счастье длится всего десять дней. Жених Кристин настигает их, и Джейсон погибает в волнах Средиземного моря, а Кристин вынуждена стать женой того, от кого бежала. Два года спустя судьба вновь сталкивает их, но теперь он — капитан пиратского фрегата «Ворон Морриган», отдавший память о любви в обмен на жизнь. Чтобы вернуть любимого, Кристин предстоит бросить вызов самой Богине Смерти. Смогут ли чувство пробиться сквозь стену забвения?

© Рок Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Лекси Рок

Звезды над бездной

Глава 1

Северная Англия, 1 мая 1673 года

- Ты выйдешь за него, и это не обсуждается, - герцог Уиндмор посмотрел в глаза дочери и ударил ладонью по столу. – Свадьба состоится ровно через месяц, первого июня. Помолвка будет оглашена через десять дней, тогда же подпишем и брачный контракт. Это все, можешь идти.

- Отец, прошу, послушайте... - выдавила она.

- Нет, это ты послушай, Кристин, - перебил герцог. – За последние два года я предложил тебе не менее дюжины женихов, но ни одного из них ты не сочла достойным своего внимания. Две недели назад тебе исполнилось восемнадцать. Еще немного, и ты будешь считаться старой девой. К тому же я далеко не молод и не могу похвастаться отменным здоровьем. Один Бог ведает, сколько мне еще осталось. Поэтому мне нужен наследник и чем быстрее, тем лучше. Младший сын графа Торнвуда – прекрасная партия для тебя. Его род, хоть и не очень богат, достаточно знатен. Он готов принять фамилию нашей семьи вместе с титулом, чтобы род герцогов Уиндмор не умер вместе со мной. А король дал позволение воспользоваться дарованным нашему роду правом передать титул по женской линии, так что никаких препятствий для этого брака нет.

- Наследник – это все, о чем вы способны думать, отец? – зло рассмеялась Кристин. – Мои чувства, мои желания, моя жизнь, в конце концов, – вам наплевать на них. Лишь бы было кому унаследовать ваш драгоценный титул. А я не хочу становиться племенной кобылой и ложиться в постель к человеку с подходящей родословной! Не хочу приносить себя в жертву вашим амбициям! – она уже почти кричала. – Пропади он пропадом, этот ваш титул...

- Достаточно, юная леди, - загремел герцог, вскакивая с кресла так резко, что тяжелое дубовое сиденье едва не опрокинулось на пол. – Герцогский титул – это не только привилегии, но еще и определенные обязанности, первейшая из которых – продолжить свой род и передать титул достойному преемнику! И коль скоро ты являешься моей единственной дочерью, то исполнишь эту обязанность, хочешь ты того или нет! Наш род носит титул герцогов Уиндмор более трех столетий, и я не допущу, чтобы он прервался!

«Хочешь ты того или нет...»

Внутри нее что-то оборвалось. Желание спорить, умолять, доказывать испарилось, уступив место холодной ярости. О, как же ей хотелось высказать ему все: что, цепляясь за прошлое, он ломает ее будущее, что она скорее умрет в канаве, чем станет женой этого графского выскочки!

Кристин сделала шаг вперед, готовая выплеснуть весь свой гнев, но вовремя остановилась. Если она заговорит сейчас, то либо расплачется от бессилия, либо совершит нечто совершенно неподобающее: смахнет бумаги со стола или запустит чернильницу в один из висящих на стене портретов ее благородных предков.

Пальцы судорожно сжались в кулаки, ногти впились в ладони, но она не чувствовала боли – лишь ярость, пульсирующую в висках. Затем резко развернулась на каблуках и почти бегом кинулась к двери.

Голос отца настиг ее, когда она уже сделала шаг в коридор. Он уже не кричал. Наоборот, говорил спокойно и буднично, с легкой усмешкой.

- Да, кстати, чуть не забыл... Сегодня граф Торнвуд посетит нас вместе с младшим сыном. Они придут к ужину, чтобы обсудить условия брачного контракта. Так что советую тебе привести себя в порядок, Кристин. И надень наконец платье! Твоя манера постоянно ходить в мужской одежде просто неприлична! Сегодня ты будешь выглядеть как леди, а не как какой-то конюх или школяр. Я не позволю тебе опозорить меня перед графом!

Ничего не ответив, она захлопнула дверь так сильно, что старый замок Уиндмор, казалось, содрогнулся. Портреты предков в тяжелых рамах закачались на стенах кабинета.

Герцог медленно опустился обратно в кресло. В кабинете снова воцарилась тишина, но теперь она была наполнена не гневом, а тяжелой, вязкой усталостью. Он смотрел на закрытую дверь, за которой только что скрылась его дочь, слушая затихающие звуки ее шагов в коридоре.

Потом печально улыбнулся и покачал головой, глядя в пустоту, словно обращаясь к портретам предков.

- Как жаль... - прошептал он, и его голос прозвучал почти ласково. - Как жаль, что ты не родилась мальчиком, Кристин. С твоим характером, с твоей горячей кровью ты бы стала величайшим герцогом в истории нашего рода. Ты бы защищала наши земли так, как не снилось ни одному из моих предков.

Герцог Уиндмор был женат дважды. С первой женой он прожил почти тридцать лет и все это время она тщетно пыталась подарить мужу наследника. Были выкидыши и мертворожденные дети, однажды родился живой ребенок – хилый, болезненный мальчик, который не дожил и до двух месяцев. Со временем надежда угасла окончательно. Герцогиня впала в глубокую меланхолию и в конце концов тихо скончалась. Герцог, вновь окрыленный надеждой получить наследника, занялся поисками второй жены.

Его выбор пал на пятнадцатилетнюю Джанет Дангарри, дочь шотландского графа Гленморриса, чьи предки по женской линии отличались невероятной плодовитостью. Надежда оправдалась: через год после свадьбы молодая герцогиня подарила мужу долгожданного сына, названного Александром, а еще через три года на свет появилась дочь - Кристин.

С раннего детства юные Уиндмору были очень близки, они понимали друг друга без слов, с одного взгляда. Они делили все – приключения, тайны, страхи. Ни обида, ни зависть не омрачали их дружбы. Когда один плакал, второй был рядом, чтобы утешить; когда один радовался победе, второй ликовал громче всех.

Жизнь Александра была подчинена единственной цели – стать достойным наследником Уиндморов. Герцог не жалел средств на образование сына. В библиотеке замка сменяли друг друга лучшие профессора математики, знаменитые литераторы, знатоки истории и географии, вкладывая в голову мальчика знания, необходимые для управления огромными владениями.

Кристин же была уготована иная роль – жены, матери, искусной хозяйки. Однако вместо того, чтобы учиться вышиванию и светским манерам, она с завистью наблюдала за братом. Когда ей исполнилось семь лет, она твердо заявила родителям, что не желает тратить время на бесполезные, по ее мнению, занятия.

Александр горячо поддержал ее, как поддерживал всегда и во всем. После недолгих размышлений герцог решил, что когда-нибудь ум и образованность Кристин принесут Александру гораздо больше пользы, чем ее умение шить, варить мыло и считать припасы в кладовых.

Так Кристин начала учиться вместе с братом. Пока ее сверстницы совершенствовались в вышивании и светской болтовне, она с упоением постигала «мужские» науки: решала математические задачи, штудировала исторические хроники, изучала языки. Она предпочитала проводить время не в дамском будуаре, а в прохладной тишине оружейной и на пыльном тренировочном поле. Пока другие девушки учились держать веер, Кристин оттачивала выпады и парирования, превращая тяжелую сталь в продолжение своей руки. С бесстрашием кавале-

риста она скакала верхом, преодолевая любые препятствия как в мужском, так и в дамском седле. Корсеты и громоздкие кринолины сковывали движения, мешая свободе, поэтому Кристин навсегда отдала предпочтение удобной мужской одежде.

Несмотря на тягу к знаниям, брат и сестра регулярно сбегали с уроков, исчезая в лесу. Там, среди простых крестьянских детей, они забывали о титулах и происхождении, играя и смеясь так, как не позволяли строгие воспитатели. За такие вольности их строго наказывали, но никакие запреты не могли подавить их жажду свободы и приключений.

Самым верным союзником детей был брат герцогини — Аластер Дангарри, граф Гленморрис. Не успев обзавестись собственной семьей, молодой граф перенес всю свою любовь на детей сестры, и они отвечали ему тем же. Он не был строгим наставником, он был другом, которому можно было доверить самые сокровенные тайны, который всегда поймет и никогда не предаст.

Аластер общался с племянниками как с равными, уважая их мнения и интересы. Он искренне разделял их тягу и к наукам, и к шалостям, всегда был рядом, готовый поддержать любую авантюру. С одинаковым азартом он сидел с ними за уроками, превращая их в увлекательную игру, носился верхом по окрестным лесам или обучал хитрым приемам фехтования, смеясь над собственными ошибками так же громко, как и они.

Аластер приезжал редко - дела графства часто удерживали его вдали от Уиндмора, - однако каждый его визит превращался в праздник в череде серых будней.

Герцог Уиндмор смотрел на эту идиллию с нарастающим раздражением. Его тревожила столь тесная связь между братом жены и детьми. В глазах отца Аластер развращал наследников, поощряя вещи совершенно недопустимые: своеволие, пренебрежение этикетом и опасную независимость суждений. Он с радостью запретил бы Аластеру появляться в замке, раз и навсегда положив конец этим вольностям, но не хотел провоцировать скандал с женой. Джанет, подарившая ему долгожданных наследников, боготворила брата, и герцог понимал: любой шаг против Аластера неминуемо приведет к разладу в доме. Поэтому он был вынужден, стиснув зубы, наблюдать, как Аластер разрушает плоды его строгого воспитания.

Так прошло их детство.

Когда Кристин исполнилось пятнадцать лет, в размеренную жизнь дома Уиндмор ворвалось неожиданное известие. Из Франции пришло сообщение о смерти дальнего родственника, оставившего герцогу наследство: небольшой замок и обширные виноградники на берегах Луары. Управлять имуществом за границей, находясь в Англии, было накладно и неудобно, поэтому герцог нашел серьезного покупателя - богатого французского дворянина, желавшего расширить свои владения в долине Луары. Сделка обещала быть выгодной и могла значительно пополнить казну герцога.

Однако для завершения формальностей требовалось личное присутствие наследника.

- Поедешь ты, Александр, - объявил герцог, кладя руку на плечо восемнадцатилетнему сыну. - Ты отправишься в Анже, урегулируешь вопросы продажи и вернешься с контрактом и деньгами. Покажи французам, что наследник Уиндморов умеет вести дела не хуже своего отца.

Александр справился с поручением блестяще. Из Анже пришло письмо: замок и виноградники были проданы по выгодной цене, документы подписаны, деньги получены и переданы в надежный банкирский дом. Герцог не скрывал радости, видя, что вырастил достойного преемника. Вся семья с нетерпением ждала возвращения героя.

Но судьба распорядилась иначе.

На тракте близ Ансени, в густых зарослях вдоль Луары, Александр бесследно исчез. Он выехал из города рано утром и больше его никто не видел. Ни тела, ни коня, ни вещей найдено не было. В тех краях дороги кишели разбойниками, и версия о том, что Александр стал жертвой дорожных грабителей, казалась единственно возможной.

Поиски, организованные герцогом, не дали результатов. Местные власти разводили руками, а жители лишь сочувственно качали головами. Герцог Уиндмор был вынужден признать горькую правду: его первенец погиб, от него не осталось даже праха. А вместе с ним канула в Лету и немалая сумма, запечатая в банкирском доме в Анже без права доступа.

Для герцога это стало концом света: все его усилия, вся жизнь, посвященная сохранению рода, рухнули в одно мгновение. Он заперся в своих покоях, отказываясь видеть кого-либо, погруженный в горе и осознание того, что прямая мужская линия прервалась навсегда.

Для герцогини смерть Александра стала ударом, от которого она так и не смогла оправиться. Потеря единственного сына подкосила ее здоровье. Она погрузилась в глубокую, безутешную скорбь, отказываясь от еды и общения. Целыми днями сидела она в затемненной комнате, перебирая детские вещи Александра или глядя в одну точку, словно ожидая, что он вот-вот войдет в дверь.

Спустя полгода после гибели сына герцогиня тихо угасла. Ее смерть была незаметной, словно тихий вздох уставшего человека. Она просто перестала дышать во сне, не вынеся тяжести утраты.

Теперь в огромном, холодном замке Уиндмор остались только двое: сломленный горем и одержимый идеей спасения рода старый герцог и шестнадцатилетняя Кристин. Аластер, ее главный защитник, был далеко, а мать, единственная, кто мог бы смягчить удары судьбы, лежала в семейном склепе рядом с первой женой герцога и его несостоявшимся наследником.

Ровно через год после смерти матери Кристин получило короткое письмо.

«Крис, милая!

Прости, что не писал тебе раньше. Неотложные дела в Марселе потребовали моего немедленного и длительного присутствия. Обстоятельства сложились так, что в ближайшее время я не смогу вернуться ни в Англию, ни в Шотландию.

Береги себя, моя маленькая львица.

Твой любящий А.»

Прошло два года. Тишина затягивалась, становясь невыносимой. Вестей от Аластера больше не было. Кристин перечитывала письмо снова и снова, но ответа на главный вопрос — «почему?» — она так и не нашла. Ее единственный друг, защитник и союзник просто исчез, оставив ее в одиночестве.

Кристин влетела в свои покои, захлопнула за собой дверь и прижалась к ней спиной. Мысли путались, дыхание сбивалось, сердце колотилось где-то в горле, стучало в висках, в кончиках пальцев. В глазах вскипали злые слезы.

Она закрыла глаза, пытаясь унять дрожь в ногах. Внутри еще бушевал ураган чувств: ярость, страх, обида.

Кристин заметалась по комнате, словно раненый зверь: три шага к окну, резкий разворот, четыре шага к двери, рывок назад.

Мысли путались, налетая друг на друга, как стаи испуганных птиц. Паника подступала к горлу плотным, удушливым комом. Мозг отказывался работать, захлебываясь эмоциями.

- Нет... - прошептала она, сжимая руками виски так сильно, что пальцы побелели. - Нужно успокоиться. Нужно просто успокоиться.

Решение пришло мгновенно – верное, надежное. Ветер в лицо остудит пожар в голове, а ритмичный стук копыт принесет успокоение.

Ускакать в лес, промчаться до самой реки, выплеснуть в крике всю ярость... И понять, что делать дальше.

Кристин метнулась к умывальнику, плеснула ледяной воды в лицо, чтобы смыть следы слез и гнева, схватила с комода хлыст.

- Мэри, - хрипло крикнула она. – Шляпу и перчатки для верховой езды! Быстро! Испуганная девушка вбежала в комнату и застыла у порога, опустив глаза. Руки ее дрожали.

- Простите, миледи... - голос служанки был едва слышен. – Я... я не могу.

Кристин замерла, сжимая хлыст.

- Не можешь что?

- Герцог... - голос Мэри дрогнул. - Его светлость только что приказал не выпускать вас из замка до завтрашнего утра. Конюхам запрещено седлать вашего жеребца без его личного разрешения. И он сказал, что если вы захотите перелезть через стену или пробраться садом, стража имеет право применить силу, чтобы вернуть вас.

Кристин отступила на шаг, словно ее ударили.

- Заперли, значит... - прошептала она.

- Да, миледи, - Мэри нервно теребила передник. - Герцог сказал, что вы наверняка попытаетесь ускакать до ужина, чтобы избежать встречи, расстроить помолвку и опозорить его. Из замка вы сможете выйти только завтра, когда гости уедут.

В комнате повисла тишина. Кристин медленно опустила руку, хлыст выпал из пальцев и глухо стукнул о паркет.

Хитрый старик... Он знал ее лучше, чем она сама. Знал, что она попробует ускользнуть, а когда не выйдет – устроит скандал: будет биться в закрытые ворота, попытается перелезть через стену.

Что ж, эту партию он выиграл, но игра еще не закончена. Пусть ее заперли, но голова-то осталась при ней. Она обязательно что-нибудь придумает. В конце концов, до подписания контракта есть еще десять дней. Главное сейчас – успокоиться и привести в порядок мысли.

Кристин закрыла глаза и медленно вдохнула.

- Мэри, который час?

Служанка, которая до этого момента боялась пошевелиться, вздрогнула от звука ее голоса.

- Половина пятого, миледи. Гости должны прибыть к семи.

- Хорошо. Тогда через полчаса приготовь мне ванну с маслом белого вереска. И платье... Какое там выбрал герцог?

Служанка замерла, растерянная такой внезапной покорностью хозяйки.

- Его светлость распорядился принести то, из голубого шелка, миледи. С серебряной вышивкой по подолу. Он сказал, что этот цвет подчеркивает вашу... невинность и благородство рода. И что граф Торнвуд оценит скромность наряда.

Кристин медленно повернулась. Голубой шелк... Цвет неба, который она так любила.

- Ступай, Мэри. Позови, когда ванна будет готова, - тихо приказала она.

Кристин стояла посреди комнаты, слушая удаляющиеся шаги Мэри. Тишина снова накрыла ее, но теперь она не давила, а словно выжидала. Страх, липкий и противный, пытался снова заползти в сознание шепотом: *«Ты не справишься. Они слишком сильны, а ты одна»*.

И тут, словно сквозь толщу воды, до нее донесся знакомый, теплый голос. Голос Аластера.

«Страх - это всего лишь чувство, Крис. Не позволяй страху управлять тобой».

Она крепко зажмурилась, представляя лицо дяди: спокойное, уверенное, с той невозмутимой улыбкой, которая появлялась у него перед сложным прыжком через препятствие.

«Если тебе страшно, - продолжил его голос в ее памяти, - сделай хоть один маленький шаг. Не жди, пока станет легко. Действуй, пока страшно».

Кристин медленно выдохнула, и вместе с воздухом из нее вышла часть напряжения. Страх никуда не исчез - он все еще сидел комом в желудке, руки слегка дрожали. Но теперь она

знала, что с этим делать. Ей не нужно ждать, пока страх уйдет. Ей нужно начать действовать *несмотря* на него.

- Спасибо, Аластер, - тихо сказала она в пустоту. - Ты был прав. Я боюсь, чертовски боюсь. Но я все равно пойду туда. И я выиграю.

Кристин подошла к высокому арочному окну. За стеклом плескался яркий майский день. Солнце, стоящее еще высоко в небе, заливало сад мягким золотым светом, ровно освещая каждую тропинку, каждый куст сирени, который еще только набирал цвет. Тени от старых дубов лежали на траве длинными, размытыми полосами. С севера дул свежий ветер, принося запах сырого мха, вереска и пробуждающейся жизни. Этот воздух, знакомый с детства, обычно придавал ей сил, но сейчас казался недостижимым.

Она легко, по-кошачьи взобралась на широкий каменный подоконник. Холодный камень приятно охлаждал ноги, обтянутые плотной тканью. Кристин подтянула колени к груди, устраиваясь поудобнее. Ее одежда - узкие черные мужские штаны и простая белая рубашка - сидела как вторая кожа, не сковывая ни единого движения. В ней Кристин чувствовала себя готовой ко всему: к скачке, к бою, к бегству. Но именно этот наряд сейчас был ее врагом. Чтобы выжить, ей придется облачиться в костюм жертвы.

- Итак, действие, - прошептала она, глядя в одну точку. - Что я могу сделать сегодня вечером?

Ее быстрый и острый ум работал, просчитывая ходы наперед, словно разыгрывая партию на шахматной доске.

Устроить скандал?

Она представила, как врывается в столовую, швыряет в стену бокал, кричит, что лучше умрет, чем выйдет замуж за Торнвуда. Но это лишь вызовет ярость отца. Он запрет ее в комнате до самой свадьбы. Сам подпишет брачный контракт и выдаст замуж по доверенности.

- Нет, - прошептала она, щурясь от яркого света, бьющего в глаза. - Это не сработает.

Поговорить с женихом? Сказать, что она его не любит и уговорить отменить свадьбу? Слишком наивно. Для младшего сына графа эта свадьба – единственная возможность получить титул, земли и немалое богатство герцога Уиндмора. Просить отказаться от всего этого из-за отсутствия любви – все равно что просить волка пожалеть овцу. Он только посмеется над ней, и будет прав.

- Тоже нет, - покачала она головой, глядя на зеленые кроны деревьев. - Слишком большой риск. Я не знаю этого человека, а проиграть могу слишком много.

Оставался только один путь. Путь, который требовал от нее максимального напряжения воли, но который был единственно верным.

Появиться на ужине. Быть послушной, тихой и очаровательной. Заставить отца поверить, что она сломлена, что она приняла свою судьбу.

Отец вздохнет с облегчением и предоставит ей прежнюю свободу. И когда он будет праздновать победу, она нанесет удар. Не сегодня, возможно даже не завтра. Но за десять дней она выберет момент и тихо исчезнет.

- Скандал — это слабость, - прошептала она, и ее голос слился с шумом ветра за окном. - Мольбы - глупость. Только терпение даст мне свободу. Терпение и ложь.

Кристин спрыгнула с подоконника.

- Что ж, отец... Я сыграю эту роль так хорошо, что вы сами откроете мою клетку. А когда поймете, что произошло, будет уже поздно.

Дверь открылась.

- Миледи, ванна готова, - робко произнесла Мэри.

Кристин выпрямилась, отгоняя последние сомнения.

- Отлично, Мэри. Идем, - громко ответила она, направляясь к двери купальни.

И уже тише, почти беззвучно, одними губами прошептала:

- Игра начинается.

Просторное помещение купальни с высокими каменными сводами и полом из черно-белой плитки дышало теплом от массивной печи. В центре стояла огромная медная ванна на литых львиных лапах, наполненная горячей водой. Верхняя створка высокого окна была приоткрыта, унося излишки пара и впуская рассеянный свет майского дня.

Кристин медленно опустилась в воду. Густой аромат белого вереска, терпкий, медовый, с легкой горчинкой дыма, сразу же окутал ее плотным, горячим облаком. Этот запах ударил в голову, мгновенно перенося ее сквозь время и стены замка.

Каменные своды растворились. Вместо пара она почувствовала резкий, свежий ветер вересковых пустошей. Ей снова двенадцать лет, она опять скачет рядом с Аластером и братом. Скачет, обгоняя ветер, смеясь так громко, что птицы взлетали с кустов.

Сердце сжалось от острой, сладкой боли воспоминаний. Где сейчас Аластер? Почему он молчит уже два года? Почему именно сейчас, когда она больше всего нуждается в нем, его нет рядом?

Она глубоко вдохнула, втягивая в себя этот запах прошлого, словно пытаясь набраться сил от счастливых воспоминаний.

- Вереск... - прошептала она, проводя мокрой рукой по краю ванны. - Ты напомнил мне, ради чего стоит бороться.

Вода успокаивающе плеснула, смывая одиночество.

- Миледи... - рядом с ней возникла Мэри, сжимая в руках подогретое полотенце. - Простите, что беспокою, но вам пора одеваться.

Кристин молча встала и шагнула из ванны. Мэри ловко укутала ее в белую ткань, впитавшую влагу и терпкий аромат вереска.

- Я отнесу платье в спальню, и приготовлю все для прически, — проговорила служанка, стараясь не смотреть в глаза госпоже, улавливая почти осязаемое напряжение, витающее в воздухе.

- Да, ступай. Я присоединюсь через минуту, - ровным голосом ответила Кристин.

Когда дверь за служанкой закрылась, в купальне воцарилась тишина, нарушаемая лишь тихим потрескиванием углей в печи. Кристин постояла несколько секунд, слушая удаляющиеся шаги, затем медленно повернулась к большому зеркалу в тяжелой раме, стоящему в углу.

Ее пальцы разжали концы полотенца. Ткань бесшумно соскользнула на черно-белый пол, оставив ее совершенно обнаженной перед собственным отражением.

Свет из приоткрытого окна скользнул по коже, покрытой легким золотистым загаром, подчеркивая каждую линию ее тела: тонкую, гибкую талию, плавно переходящую в округлые бедра, длинные ноги, натренированные годами верховой езды и фехтования. Небольшая округлая грудь высоко поднималась при дыхании, сияя тем же теплым, медовым оттенком.

Кристин сделала шаг к зеркалу, и пар, клубившийся вокруг, словно раздвинулся. На нее смотрела девушка с нежным овалом лица, где детская мягкость уже уступила место аристократической утонченности.

Главное внимание на ее лице привлекали глаза – миндалевидные, глубокого зеленого цвета — цвета лесной чащи северной Англии после дождя. В их глубине, словно солнечные зайчики на воде, плясали золотые искорки. Сейчас они горели особенно ярко, отражая тот внутренний огонь, который ей так нужно было скрыть сегодня вечером. Длинные, густые черные ресницы делали ее взгляд еще более пронзительным и живым.

Изящный, чуть вздернутый носик придавал ее лицу выражение вечного вызова и дерзости даже когда она молчала. Большой чувственный рот с пухлыми алыми губками был словно

создан для смеха до слез и сладких поцелуев. Черные, как вороново крыло волосы тяжелыми блестящими волнами спадали почти до талии.

Озорной солнечный луч, пробравшийся через приоткрытую створку окна, коснулся ее лица, заставив зеленые глаза вспыхнуть изумрудами, а золотые искорки в них зажечься дерзким пламенем. В этот миг она была собой - той самой Кристин, которая скакала по вересковым пустошам и любила свободу больше жизни.

Кристин медленно провела ладонью по поверхности зеркала, стирая белый налет пара, словно очищая холст перед новым портретом. И пока исчезала дымка, лицо в отражении начало меняться.

Глаза, еще секунду назад горевшие дерзким огнем, скромно опустились. Теперь в них читалась лишь легкая застенчивость девушки, не привыкшей смотреть в лицо мужчине. Длинные темные ресницы легли на щеки, скрывая золотые искорки.

Губы тронула робкая, едва заметная улыбка, уголки рта неуверенно приподнялись. Даже линия подбородка, обычно твердая и решительная, смягчилась.

Кристин замерла, глядя на это чужое, кукольное лицо.

- Ты не я, - прошептала она едва слышно, обращаясь к своему отражению. – Но сегодня ты пойдешь на ужин вместо меня и сыграешь роль послушной дочери. А я останусь здесь и буду ждать своего часа.

Затем резко развернулась, ловко подхватила сброшенное полотенце, плотно закуталась в него и решительным, быстрым шагом вошла в спальню.

На кровати, словно кусок летнего неба, лежало голубое шелковое платье. Мэри уже стояла рядом, держа наготове нижние юбки и корсет.

- Начинай, Мэри, - приказала Кристин, сбрасывая полотенце на резной стул.

Мэри действовала быстро и ловко. Сначала - тончайшие нижние юбки из белого батиста, шуршащие при каждом движении, затем корсет цвета слоновой кости. Наконец настал черед платья. Тяжелый шелк скользнул по телу, рисуя каждый изгиб, создавая иллюзию текущей воды. Цвет был именно таким, как хотел отец: невинным, небесным, кричащим о чистоте и покорности.

Служанка усадила Кристин на стул и взялась за прическу: аккуратно собрала волосы на затылке, не стягивая слишком туго, и скрутила в тяжелый узел, закрепив его серебряными шпильками. Несколько тяжелых локонов спадали на виски и шею, смягчая строгость прически и придавая девушке нотку трогательной наивности.

Остался последний штрих – украшения. Кристин открыла шкатулку из черного дерева, пальцы замерли над россыпью драгоценных камней.

Ее выбор пал на жемчуг, доставшийся ей от матери. Холодные белые сферы легли на ее ключицы, контрастируя с легким золотистым загаром кожи. Маленькие капли в ушах и тонкий браслет на запястье завершили образ. Никакого золота, никакого блеска, кричащего о богатстве. Только матовое, чистое сияние, символизирующее девичью скромность.

Мэри чуть отошла от нее, сложив руки на переднике и с искренним восхищением любуясь своей работой. В полумраке комнаты, освещенной последними лучами майского солнца, Кристин казалась хрупким неземным существом. Голубой шелк струился по ее телу, жемчуг мягко сиял на шее и в ушах, а свободный низкий узел с выбивающимися локонами придавал образу почти детскую беззащитность.

- Вы выглядите как ангел, миледи, - выдохнула служанка. - Герцог будет доволен, а граф Торнвуд и его сын не смогут отвести от вас глаз.

С трудом подавив ядовитую усмешку, которая так и рвалась искривить ее «непорочные» губы, Кристин тихо произнесла:

- Спасибо, Мэри. Ты превзошла саму себя.

Раздался сдержанный стук в дверь, голос лакея просочился сквозь тяжелое дерево:

- Простите, миледи. Если вы готовы, герцог просит вас спуститься в гостиную. Гости уже прибыли.

Мэри вздрогнула и метнулась к двери, чтобы открыть ее. Кристин медленно повернулась к зеркалу и в последний раз оглядела свое отражение.

- Прекрасно, — прошептала она. - Нежная английская роза без шипов, - и решительно шагнула из комнаты, расправив плечи.

Герцог Уиндмор стоял у камина, нервно крутя в руке тяжелый стакан с янтарным виски. Рядом с ним возвышался граф Торнвуд - мужчина с тяжелым взглядом и лицом, словно высеченным из северного гранита: неподвижным, суровым и непроницаемым.

А чуть поодаль, небрежно облокотившись на спинку кресла, стоял его младший сын, лорд Энтони Торнвуд - светловолосый мужчина лет тридцати пяти, чуть выше Кристин, с правильными, аристократичными чертами лица, которые, однако, выражали лишь глубокую, пресыщенную скуку. Его тусклые голубые глаза были полуприкрыты, взгляд лениво скользил по огню в камине, будто он уже знал исход этой встречи и она его ничуть не занимала. Казалось, он здесь только потому, что так приказал его отец, а не потому, что желает видеть свою будущую жену.

Когда дверь открылась, разговор мгновенно оборвался.

Кристин бесшумно вошла в комнату и остановилась в центре гостиной, слегка опустив голову.

- Моя дочь, - голос герцога прозвучал громче обычного, с ноткой торжествующего облегчения. Он быстро поставил стакан на каминную полку. - Леди Кристин Уиндмор.

Граф Торнвуд сделал шаг вперед и низко поклонился, его глаза оценивающе скользнули по ней, отмечая богатство наряда и покорность осанки.

- Миледи, - произнес он низким, рокоочущим голосом. - Знакомство с вами – огромная честь для нас.

Лорд Энтони отделился от кресла медленно, без спешки. Он выпрямился, и его глаза наконец полностью открылись, внимательно изучая Кристин. В них не было ни страсти, ни интереса, лишь легкое любопытство коллекционера, рассматривающего новый экспонат. Но было в этом взгляде что-то еще. Что-то змеиное, холодное. Его зрачки сузились, а взгляд скользнул по ней медленно, липко, словно язык рептилии, пробуящий воздух на вкус.

- Леди Кристин, - сказал он ровным, немного вялым голосом, в котором, однако, проскальзывали металлические нотки. - Вы действительно похожи на ту самую «дикую розу», о которой ходят слухи в этих краях. Говорят, вы предпочитаете седло карете, а меч – вышивке?

Он сделал шаг ближе и его губы тронула едва заметная кривая усмешка.

— Хотя сейчас, - его взгляд скользнул по голубому шелку, по жемчугу, по ее опущенным ресницам, - вы больше напоминаете садовый цветок, бережно хранимый в теплице. Хрупкий. Красивый. Готовый к тому, что его могут сорвать в любой момент. Надеюсь, шипы у этой розы не слишком остры? Я не люблю, когда мне царапают руки.

В комнате повисла тишина. Герцог Уиндмор нервно кашлянул, ожидая вспышки гнева. Граф Торнвуд чуть приподнял бровь, наблюдая за сыном с одобрением.

- Слухи имеют свойство преувеличивать, милорд, - мягко ответила Кристин. - Я всего лишь дочь, которая любит своего отца и стремится исполнить его волю. А насчет шипов... - она позволила себе робкую улыбку, — ...садовые розы обычно лишены шипов, не так ли?

В повисшей тишине раздался громкий выдох герцога Уиндмора. Его плечи опустились, лицо разгладилось, и он широко улыбнулся, глядя на гостей с видом триумфатора.

- Именно так! - воскликнул он, хлопнув ладонью по каминной полке. - Кристин всегда была разумной девочкой, просто... немного мечтательной. Но жизнь расставляет все по местам. Прошу всех к столу! Ужин готов, и я уверен, он придется вам по вкусу.

Ужин прошел в атмосфере внешнего спокойствия. Длинный дубовый стол был сервирован лучшим серебром семьи Уиндмор, свечи отбрасывали теплый свет на лица участников трапезы. Едва лакеи разлили вино, герцог и граф Торнвуд перешли к делу. Их голоса слились в монотонный гул: обсуждение приданого, границ земельных угодий на севере, условий брачного контракта и будущих титулов.

Кристин сидела прямо, устремив взгляд в пламя свечи. Она механически что-то ела, не чувствуя вкуса. Ее мысли были далеко от этого стола, застеленного дамаской скатертью и уставленного серебром. Условия брачного контракта, которые сейчас с таким азартом обсуждали ее отец и граф Торнвуд, по понятным причинам ее не интересовали.

«Пять тысяч акров... ежегодный доход... гарантия титула...» — слова проплывали мимо ее сознания, не задерживаясь.

Заговаривала она только тогда, когда к ней напрямую обращались.

- Леди Кристин, вы бывали в Лондоне? – спрашивал граф Торнвуд.

- Нет, милорд, - тихо отвечала она. – Я никогда не выезжала дальше границ наших земель.

- Вам нравится музыка, леди Кристин? — лениво бросал Энтони, и она тут же кивала с мягкой улыбкой.

- О да, милорд. Особенно тихие мелодии. Они успокаивают душу.

Энтони Торнвуд сидел напротив нее, откинувшись на спинку высокого стула с видом человека, которому смертельно скучно на собственном празднике, и медленно вращал бокал с вином, внимательно наблюдая за красной жидкостью. Его поза была расслабленной, даже небрежной: одна нога закинута на другую, рука безвольно лежала на столе рядом с прибором. Он лишь изредка поддакивал отцу, а когда речь заходила о сумме приданого, в его полуприкрытых глазах загорался хищный огонь. Он уже решил, что сделка состоялась, а значит, можно расслабиться и спокойно ждать окончательной передачи прав собственности.

Наконец герцог Уиндмор, сияя от удовлетворения, постучал ножом по бокалу, привлекая всеобщее внимание.

- Итак, джентльмены, - подняв бокал, торжественно объявил он, - я полагаю, мы достигли полного согласия по всем пунктам. Я немедленно попрошу своего нотариуса подготовить окончательный вариант контракта. Как и договаривались, подписание состоится через десять дней, здесь, в замке. Сама свадьба состоится первого июня. Прекрасное начало для новой ветви нашего рода! За здоровье молодых!

- За здоровье, - эхом отозвался граф, выпивая вино до дна.

Энтони лениво последовал его примеру, даже не взглянув на Кристин.

Кристин же подняла свой бокал, посмотрела на отца и, робко улыбнувшись, прошептала:

- За будущее.

«За мое будущее, где не будет никого из вас» - пронеслось в голове.

Когда тяжелые двери за графом Торнвудом и его сыном наконец захлопнулись, уже почти наступила полночь. Лакеи начали суетиться, гася лишние свечи и убирая бокалы, но герцог жестом остановил их.

- Оставьте нас, - приказал он тихо, но властно. - А ты, Кристин, останься. Нам нужно поговорить.

Лакеи бесшумно ретировались, оставив отца и дочь одних в огромной гостиной. Огонь в камине догорал, отбрасывая на стены длинные пляшущие тени.

Герцог медленно повернулся к ней. В мерцающем свете угасающего камина его лицо выглядело уставшим, постаревшим на десять лет за этот вечер, но глаза горели лихорадочным, напряженным ожиданием.

- Кристин, — начал он, и его голос прозвучал хрипло в тишине комнаты. - Теперь, когда мы одни... скажи мне честно. Правда ли то, что я видел сегодня? Ты действительно смирилась? Ты принимаешь этот брак?

Он пристально смотрел на нее, словно пытаясь проникнуть прямо в душу, ища малейшую фальшь, любую искру того бунта, который так долго его терзал.

Кристин сделала паузу, изображая внутреннюю борьбу, собираясь с духом, чтобы произнести слова, которые он так жаждал услышать.

- Я не рада этому браку, отец, - тихо ответила она, и в ее голосе звучала искренняя грусть. - Лорд Энтони... он чужой мне. Его взгляд холоден, речь скучна. Мысль о жизни с ним пугает меня больше, чем я могу выразить.

Она подняла на него взгляд, полный слез, которые так и не пролились, но блестели в свете огня.

- Но у меня нет выбора, разве не так? Я ваша дочь. Мой долг - повиноваться вам. Мое сопротивление бессмысленно и лишь опозорит наше имя. Если такова ваша воля и необходимость... значит, я должна подчиниться. И я подчиняюсь.

- Дитя мое, - герцог подошел к Кристин и неловко положил руку на ее плечо. - Я знаю, что тебе непросто. Но ты делаешь правильный выбор. Энтони - достойная партия. Со временем ты привыкнешь к нему. Возможно, позже придет и любовь. Я горжусь твоей мудростью и твоим чувством долга. Ты настоящая леди Уиндмор.

Он крепко сжал ее плечо, затем отпустил и удовлетворенно улыбнулся.

- Я доволен тобой, Кристин. Очень доволен. Ты сняла камень с моей души. Иди спать.

- Спасибо, отец, - мягко произнесла она, а затем, сделав небольшую паузу и как будто набравшись смелости, добавила: — Отец... раз теперь все решено... надеюсь, вы позволите мне возобновить мои прогулки верхом?

- Да, конечно, - ответил герцог и снова улыбнулся. - Раз ты ведешь себя так разумно, у меня больше нет оснований запирать тебя.

- Благодарю вас, отец, - прошептала Кристин, и, сделав реверанс, направилась в свои покои.

Мэри, зевая от усталости, помогла ей раздеться и расчесать волосы. Оставшись лишь в тонкой ночной сорочке, Кристин повернулась к служанке.

- Мэри, разбуди меня завтра пораньше, на рассвете. Я хочу прокатиться верхом перед завтраком.

Мэри удивленно моргнула, поправляя подушки на кровати:

- Так рано, миледи? Обычно вы спите дольше после таких вечеров. Но конечно, как прикажете. Я разбужу вас, как только небо начнет светлеть.

- Спасибо. Можешь идти спать.

Когда дверь за служанкой закрылась, Кристин подошла к высокому окну и распахнула створки, впуская в комнату прохладный ночной воздух.

Сад был залит лунным светом. Серебристые лучи ложились на аллеи, пробивались сквозь кроны старых дубов, создавая причудливую игру света и тени.

Кристин подняла глаза и взглянула на звезды, сиявшие сегодня особенно ярко. Миллионы холодных, мерцающих огней рассыпались по черному бархату ночи.

Она закрыла глаза и вспомнила те далекие летние ночи, когда они с Алексом сбегали из спален, пробивались через сад и ложились на мягкий мох в самой глуши парка.

Они яростно спорили о том, какая звезда ярче: та, что над дубом, или та, что над старой башней. Спор неизбежно перерастал в возню: они толкались, катались по траве, стараясь заще-

котать друг друга до потери дыхания. И наконец, все заканчивалось безудержным, звонким смехом, который, казалось, распугивал сов и заставлял листья деревьев шелестеть в унисон.

Слеза скатилась по ее щеке, но она не вытерла ее.

- Я все помню, Алекс, - прошептала Кристин, и ее голос сорвался. - Помню, как мы мечтали улететь к этим звездам и быть свободными.

- Ты не успел, - тихо продолжила она, открывая глаза и снова встречаясь взглядом с яркими огнями в небе. - Но я успею за нас обоих. Моя свобода будет и твоей свободой тоже.

Порыв ветра ворвался в окно, словно невидимая рука коснулась ее плеча, соглашаясь и ободряя.

Кристин выпрямилась, вытирая слезы тыльной стороной ладони. Печаль уходила, уступая место стальной решимости. Звезды больше не казались недостижимыми. Они стали ее целью.

Завтра она начнет прокладывать свой путь к звездам, и на этот раз ничто не остановит ее полет.

Глава 2

Утром, едва первые лучи солнца коснулись серых башен замка, окрашивая их вершины в бледно-золотой цвет, Кристин уже миновала главные ворота. Сонные стражники лишь лениво кивнули ей, зябко поеживаясь от утренней сырости.

Как только тяжелые створки ворот остались позади, а под копытами коня застучала широкая дорога, ведущая к лесу, Кристин чуть подалась корпусом вперед.

Орфей, белоснежный жеребец, подарок Аластера на ее четырнадцатилетие, отреагировал мгновенно. Мощные мышцы под блестящей белой шкурой напряглись, и они сорвались в стремительный галоп. Ветер ударил в лицо, растрепал волосы.

Орфей летел, едва касаясь копытами земли. Ему не нужны были шпоры или жесткие поводья, он чувствовал каждое движение хозяйки, каждое напряжение ее мышц. Они словно были единым целым.

Дорога быстро сменилась узкой тропой, и они углубились в лес. Орфей бежал уверенно, обходя корни и камни с грацией танцора, зная, куда хочет его хозяйка, еще до того, как она сама это осознала.

Тишина раннего утра нарушалась лишь редким пением птиц. Солнце едва позолотило верхушки деревьев, оставив подлесок в прохладном синеватом полумраке. Воздух был наполнен запахом влажной земли, хвои и чего-то сладкого, весеннего. В ярко-зеленой траве то тут, то там виднелись синие головки колокольчиков.

Кристин не останавливалась, пока не услышала шум реки. Деревья расступились и перед ней открылась широкая водная гладь, еще покрытая легкой утренней дымкой. Вода тихо плескалась о каменистый берег, отражая бледнеющее небо.

Здесь, у самой кромки воды, Орфей наконец остановился.

- Хороший мальчик, - прошептала Кристин, прыгивая на мягкий мох. - Спасибо. Теперь можешь отдохнуть.

Орфей ткнулся влажным носом в ее плечо и склонился к земле, щипля свежую зелень.

Кристин же прошла дальше по берегу и уселась на огромный замшелый валун, который веками лежал здесь, переживая разливы рек и смены времен года. Мягкий влажный мох пах сыростью и древностью.

Она обхватила колени руками и уперлась в них подбородком, глядя на текущую воду. Ей нужно было думать. Думать так, как никогда раньше в жизни. От этого зависело все.

- Итак, план, — произнесла она вслух. Орфей, услышав голос хозяйки, перестал жевать траву и повернул к ней уши.

Во-первых, деньги. Все ее личное золото лежит в тайнике за панелью в спальне. Там же хранится и шкатулка с драгоценностями. Ключ от тайника всегда при ней.

Золото можно забрать без колебаний, о его существовании не знает никто, даже Мэри. Ежемесячно Кристин выделяли солидное содержание на «мелкие нужды»: ленты, сладости, подарки слугам. Эти деньги она почти не тратила. В замке у Кристин было все: одежда, еда, лошади, книги, а женские безделушки ее не интересовали. В результате за несколько лет у нее скопилось действительно внушительная сумма.

С украшениями следует быть осторожнее. Обнаружив ее исчезновение, отец прикажет обыскать комнату и взломать тайник. Увидев полупустую шкатулку, он сразу разгадает ее намерения. Значит, она заберет только украшения, подаренные ей Аластером: несколько колец и небольшое изумрудное кольцо. Их пропажи никто не заметит.

Дальше – одежда. Двух рубашек, пары штанов и нескольких пар чулок будет вполне достаточно. Все это легко поместится в небольшую седельную сумку. Немного подумав, Кри-

стин решила захватить свою любимую куртку для верховой езды – кто знает, с какой непогодой ей придется столкнуться в путешествии.

Сумку она соберет заранее и спрячет в стойле Орфея под охапкой сена. Там ее никто не найдет до самого отъезда.

Главной проблемой оставалась Мэри – верная, добрая, но чересчур внимательная и, увы, слишком болтливая. Как скрыть от нее подготовку к побегу? Как незаметно вынести из спальни сумку?

Кристин нервно барабанила пальцами по колену. Нужно было убрать Мэри на несколько часов, чтобы комната осталась пустой, а коридоры свободными.

И тут ее осенило.

Несколько дней назад, расчесывая ей волосы, Мэри вздыхала:

«Ох, миледи, я так давно не навещала свою старую матушку. Боюсь, она уже и забыла, как я выгляжу».

Вот он, идеальный предлог! Она отпустит Мэри к матери прямо сейчас! Ведь потом, когда начнется подготовка к свадьбе, у служанки ни минуты свободной не будет.

Следующий вопрос – куда бежать.

Йорк или Ньюкасл – слишком близко. Отец разошлет гонцов немедленно, уже к вечеру первого дня ее описание будет у каждого стражника и трактирщика.

Лондон или Эдинбург – слишком далеко. До Лондона не менее недели пути, до Эдинбурга столько же. За это время погоня непременно настигнет ее. К тому же дороги кишат разбойниками.

Земли клана Дангарри тоже не годились. Самого первого гонца герцог отправит туда.

Неожиданно пришло озарение. Мысль вспыхнула так ярко, что Кристин даже зажмурилась.

Ну конечно! Франция! Там отец будет искать ее в самую последнюю очередь. Что ей там делать? Ни родных, ни друзей, у кого можно было бы попросить помощи. Именно поэтому никто не подумает, что она побежит туда.

Она доберется до Дувра, найдет небольшое судно, высадится в Бретани или Нормандии. А дальше – Париж, где так легко затеряться. Она прекрасно говорит по-французски, никто не заподозрит в ней иностранку.

Конечно, до Дувра дальше, чем до Лондона, путь займет на несколько дней больше. Зато дороги менее оживленные. Там нет бесконечного потока карет и королевских курьеров, который ежедневно курсирует между Йорком и столицей. Меньше глаз, меньше ушей. И главное – в ту сторону отец не отправит погоню сразу.

Кристин ловко вскочила с валуна и подошла к Орфею. Жеребец, словно почувствовав ее настроение, перестал жевать траву и повернул к ней голову. Она обняла его за шею и крепко прижалась лбом к теплой коже.

- Ну что ж, вот мы все и решили, - прошептала она. – А теперь нам пора домой. Нельзя опаздывать к завтраку, иначе отец будет недоволен.

Завтрак прошел в молчании. Герцог, казалось, был полностью поглощен своими мыслями: он хмурился, постукивал пальцами по столу и лишь изредка отпивал эль, не глядя на дочь.

Лишь к концу трапезы, когда слуги начали убирать пустые блюда, герцог откашлялся и нарушил тишину. Его голос прозвучал сухо и деловито:

- Завтра я еду в Торнвуд, - объявил он, вытирая рот салфеткой. - Нужно обсудить с графом некоторые детали свадебного торжества и утвердить список гостей. Меня не будет два дня.

Кристин лишь кивнула, опустив глаза в тарелку, чтобы отец не увидел радостного блеска, вспыхнувшего в них. Сердце ее пропустило удар, а затем забилося чаще. Два дня. О такой удаче она и не мечтала.

- В понедельник из Лондона приедет портниха, - продолжил герцог, - чтобы сшить тебе свадебное платье. Оно должно быть безупречным. В кладовой хранятся рулоны тканей и кружев, которые мы заказывали в прошлом месяце. До приезда портнихи выбери ткань на платье. Что-нибудь в светлых тонах. Слоновая кость, жемчужный, может быть, бледно-голубой.

- Хорошо, отец, - ровным голосом ответила Кристин. – я займусь этим сегодня же. Герцог удовлетворенно кивнул и вышел из столовой.

- Мэри, - позвала Кристин, входя в спальню.

Служанка повернулась к ней с привычной улыбкой:

- Да, миледи?

- Недавно ты говорила о том, что хочешь навестить свою матушку.

Мэри слегка смутилась, поправляя передник.

- Да, миледи, я помню. Но сейчас такое время, столько дел перед свадьбой...

- Глупости, - мягко отмахнулась Кристин. - У нас есть несколько дней покоя перед свадебной суматохой. Если ты не пойдешь сегодня, потом возможности уже не представится. Сейчас мы идем в кладовую, чтобы выбрать ткань для моего свадебного платья. Когда закончим, можешь отправляться. Зайди на кухню и скажи, что я велела дать тебе корзинку с гостинцами. Хлеб, сыр, мясо и немного вина для твоей матушки. Можешь переночевать в деревне, но завтра к вечеру возвращайся, ты мне понадобишься. Нужно будет помочь приготовить комнату к приезду портнихи.

- Но как же вы без меня, миледи? - растерялась Мэри, всплеснув руками. - Кто поможет вам одеться? Кто приготовит ванну? Вы же не справитесь одна!

Кристин рассмеялась:

- Не переживай, глупышка, как-нибудь справлюсь. Я же не фарфоровая кукла. Один вечер и одно утро я вполне способна провести без присмотра. К тому же, в замке полно слуг, если мне вдруг понадобится помощь.

Она подтолкнула девушку к двери, не давая времени на новые возражения.

- А теперь хватит разговоров. Идем в кладовую. Чем быстрее закончим с тканью, тем раньше ты сможешь отправиться в путь. Солнце еще высоко, но дорога до деревни неблизкая.

Мэри, наконец сдавшись, улыбнулась:

- Ну, если вы настаиваете, миледи... Спасибо вам огромное. Матушка будет так рада!

- Я знаю, - ответила Кристин, и в ее глазах мелькнула тень грусти. – Передай матушке, что она вырастила чудесную дочь. Пошли.

Затаив дыхание и крепко прижав к груди седельную сумку, Кристин пробиралась через темный коридор. Сердце колотилось в груди так громко, что, казалось, его стук разносится по всему замку. Каждый шорох, каждый скрип половицы заставлял ее вздрагивать и замирать на месте.

Она не осмелилась пройти через парадный вход и выскользнула через узкую дверь для слуг, ведущую прямо во внутренний двор. Прохладный ночной воздух, пахнущий сыростью, ударил ей в лицо.

Двор был погружен в густую тьму. Лунный свет слабо пробивался сквозь разрывы в тяжелых облаках, выхватывая из мрака причудливые силуэты кустов, темные очертания бочки для

дождевой воды и телегу, забытую конюхами. Тени стелились по земле словно черные пальцы, готовые схватить ее.

Кристин пригнулась, стараясь стать как можно меньше, и побежала - от одной тени к другой, растворяясь в ночи.

Наконец она достигла двери конюшни. Дрожащими пальцами нащупала засов, тихо щелкнула им и проскользнула внутрь. В конюшне никого не было, только лошади мирно стояли в своих стойлах. Тишина нарушалась лишь ровным дыханием животных и шуршанием соломы под копытами.

- Орфей? - прошептала она едва слышно, направляясь к дальнему стойлу.

Жеребец тихо заржал, узнав хозяйку, и потянулся к ней через перегородку.

- Тише, мой хороший, тише, - прошептала Кристин, входя в стойло. - Все хорошо.

Она обняла его за шею, на мгновение прижавшись лбом к мягкой белой шерсти, затем осторожно пробралась в угол стойла и зарыла сумку глубоко в сено.

— Вот и все, - облегченно выдохнула она.

Внезапно в тишине конюшни раздался шаг, на пол упала чья-то длинная искаженная тень.

Кровь мгновенно отлила от ее лица. Сердце забилося с такой силой, что больно отдавало в ребрах, дыхание перехватило. Она похолодела, инстинктивно сжимая кулаки, готовая либо драться, либо бежать, хотя бежать было некуда.

Но прежде чем она успела издать хоть звук, из темноты раздался тихий, хриплый шепот:

- Не бойтесь, миледи. Это я, Хью.

Из тени медленно выступила сутулая фигура старого конюха.

Кристин замерла, не в силах пошевелиться.

- Хью? - прошептала она, и ее голос дрогнул. - Ты... ты видел?

Старик медленно подошел ближе, его глаза, привыкшие видеть в темноте, внимательно смотрели на нее.

- Я знал, что рано или поздно вы соберетесь бежать, миледи, - тихо сказал он, и в его голосе не было ни осуждения, ни удивления, одно лишь понимание. - Птица в клетке всегда смотрит в небо.

Он сделал паузу и покачал головой, глядя на белоснежного жеребца.

— Вот только Орфея вам брать нельзя. Уж слишком он приметный.

Кристин растерянно моргнула.

- Что? Почему? Он мой друг! Без него я не справлюсь

- Посмотрите на него, миледи. Как вы думаете, много в округе таких коней? Ехать на нем – все равно что тащить с собой знамя с гербом Уиндморов.

- Тогда что же мне делать? - прошептала Кристин. - Пешком я не уйду далеко.

Хью улыбнулся, шагнул к дальнему стойлу и мягко позвал:

- Эй, Мисти... Иди сюда, девочка.

Из тени вышла небольшая серая кобылка.

- Возьмите лучше ее, - сказал Хью, поглаживая шею лошади. - Она послушна, вынослива и быстра словно ветер. Я сам выезжал ее два года назад.

Кристин неуверенно протянула руку. Кобылка тут же ткнулась влажным носом в ладонь, фыркнула и начала тереться о плечо, словно знала ее всю жизнь.

- Она никого не заинтересует, миледи, - продолжил Хью. - Обычная лошадь, каких тысячи на дорогах Англии. Никто не обернется ей вслед, никто ее не запомнит.

Кристин посмотрела на Орфея, стоящего в полумраке как мраморная статуя. Боль сжала ее сердце. Расстаться с ним было как отрезать часть души. Но Хью был прав.

- Прости, мой хороший - прошептала она, обнимая жеребца за шею.

Орфей тихо заржал и лизнул ее щеку своим теплым языком.

- Я позабочусь о нем, миледи, - пообещал Хью, кладя руку на холку коня. - И однажды, когда все утихнет, вы вернетесь за ним.

Кристин глубоко вздохнула, вытирая слезы рукавом, но тут же нахмурилась.

- Не возникнет ли вопросов у стражи? Все в замке привыкли, что я выезжаю только на Орфее.

Хью на минуту задумался, потирая подбородок. Затем уголки его губ дрогнули в хитрой улыбке.

- Нет ничего проще, миледи. Я расшатаю ему подкову. Завтра утром вы, как обычно, выедете на Орфее. У главных ворот он начнет прихрамывать. Вы позовете меня, я осмотрю копыто и скажу, что подкова сбита, коня нужно перековать. И предложу вам выехать на Мисти.

- Ты не боишься, что тебя накажут, Хью? - тихо спросила Кристин, и в ее голосе звучала искренняя тревога. - Если отец поймет, что ты помог мне, он может выгнать тебя. Или хуже. Ты рискуешь всем ради меня.

- А чего мне бояться, миледи? - Хью глуповато улыбнулся и развел руками. - Откуда мне знать, что вы задумали? Я с вами разговоров не веду. Мое дело маленькое: оседлать да расседлать коня.

- Спасибо, Хью, - со слезами на глазах Кристин обняла старого конюха. - Я никогда не забуду твоей помощи.

Хью замер, а затем неловко похлопал ее по спине своей мозолистой ладонью.

- Полно вам, миледи, не стоит плакать, - пробормотал он, отстраняясь и смущенно потирая нос рукавом. - Я просто делаю то, что сделал бы любой человек, у которого есть сердце.

Кристин повернулась к выходу, но голос Хью остановил ее.

- Пойдите, миледи. Вы уже знаете, куда именно отправитесь?

- Вообще-то, - неуверенно ответила она, - я хотела добраться до побережья. До Дувра. Там найти судно и переправиться на континент, во Францию.

Хью кивнул, затем засунул руку за ворот своей грубой шерстяной рубахи, долго копался там, пока наконец не извлек небольшой кожаный мешочек на шнурке. Его пальцы неловко развязали узел и он вытряхнул содержимое себе на ладонь.

В лунном свете тускло блеснуло массивное кольцо, на котором был выгравирован герб главы клана Дангарри: черная стрела на серебряном поле, и его девиз: «Lorg do shlighe» — «Ищи свой путь».

— Это же кольцо Аластера! - ахнула Кристин, глядя на старика широко раскрытыми глазами. - Откуда оно у тебя?

Хью грустно улыбнулся.

- А вы не знали, миледи? - тихо спросил он. - Много лет назад я прибыл из Шотландии вместе с вашей матушкой, когда она выходила замуж за герцога. Милорд Аластер просил меня остаться здесь, чтобы присмотреть за ней, а потом и за вами. А два года назад, перед тем как исчезнуть, он тайком наведлся ко мне в конюшню поздней ночью. Он очень беспокоился за вас. Оставил мне кольцо и сказал: «Если Кристин когда-нибудь понадобится помощь — пошли кого-нибудь в Марсель с этим кольцом».

Старик вложил кольцо в руку Кристин.

— Вот. Отправляйтесь в Марсель. Найдите на набережной таверну «Золотой лев» и спросите у хозяина человека по имени Жак Буше. Покажите ему это кольцо, и он поможет вам. Он должен знать, где сейчас находится милорд Аластер. Жак - его старый друг, через него вы сможете связаться с дядей, где бы он ни скрывался.

Кристин замерла, сжимая холодное серебро кольца в горячей ладони.

Ну конечно! Марсель! Как же она сама не догадалась?

В памяти всплыло письмо, которое она перечитывала сотни раз: «...*Неотложные дела в Марселе потребовали моего немедленного и длительного присутствия...*».

- Спасибо, Аластер, — прошептала она, поднося кольцо к губам. - Я думала, ты бросил меня. А ты заботаешься обо мне даже издалека.

- Пора, миледи, - тихо напомнил Хью. - Уже за полночь. Вам нужно хорошенько отдохнуть перед завтрашней прогулкой.

Еще раз обняв старика, Кристин бесшумно вышла из конюшни.

На рассвете Кристин разбудил негромкий, осторожный стук в дверь. Едва она успела сесть на кровати, поправляя сбившееся одеяло, как дверь приоткрылась, и в комнату заглянула молоденькая горничная с заспанным лицом.

- Миледи? Простите, что потревожила так рано, — прошептала девушка, делая реверанс в дверном проеме. - Господин герцог решил позавтракать пораньше перед поездкой в Торнвуд. Он спрашивает, не хотите ли вы присоединиться к нему?

Кристин зевнула, прикрыв рот рукой, и покачала головой.

- Нет, как видишь, я только проснулась, - ответила она. - Мне потребуется время чтобы умыться и одеться. Не хочу задерживать отца. Передай ему мои пожелания удачной дороги и успешных переговоров.

- Конечно, миледи. Я передам. Хорошего вам дня.

Дверь тихо закрылась. Как только шаги служанки затихли в коридоре, сонливость мгновенно слетела с Кристин. Она вскочила с кровати и подбежала к окну.

Ночь прошла без дождя. Небо очистилось от тяжелых туч, день обещал быть таким же солнечным и теплым, как вчера. Воздух был удивительно свежим и прозрачным после ночной сырости.

Кристин распахнула створки, вдыхая прохладный утренний воздух. Рассвет только начинался. Небо на востоке разворачивало перед ней свою величественную картину: глубокий оранжево-алый оттенок у самого горизонта медленно таял, уступая место нежной розовой полосе, которая переходила в густо-лиловую вуаль, еще укрывающую верхнюю часть неба.

Роса на траве сверкала тысячами бриллиантов, ловя первые лучи солнца, а кусты боярышника, освеженные ночной прохладой, казалось, были готовы вот-вот взорваться белым цветом.

«Если все пройдет хорошо, — подумала Кристин, и легкая дрожь пробежала по ее спине, — этот день станет лучшим днем в моей жизни за последние три года».

По двору, нарушая утреннюю тишину, прогреготала тяжелая карета герцога. Кристин проводила взглядом исчезающий экипаж и тихо усмехнулась про себя:

- Счастливого пути, отец.

Как только звук колес окончательно затих, она умылась ледяной водой, чтобы стряхнуть остатки сна, поспешно натянула привычную одежду: белую батистовую рубашку, темные облегающие штаны и высокие сапожки из мягкой кожи, и спустилась в столовую.

Завтрак дался ей нелегко. Еда казалась сухой и безвкусной, словно сделанной из опилок. Руки дрожали, когда она подносила вилку ко рту, а каждый кусок хлеба застревал в горле комом. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, стук слышен через весь зал.

Стараясь не показать своего волнения, Кристин заставляла себя держать спину прямо и есть медленно, делая вид, что тщательно пережевывает каждый кусочек. Она даже сумела улыбнуться прислуживающему за столом лакею — легко и непринужденно, словно этот день ничем не отличался от сотен других.

Расправившись наконец с завтраком, Кристин поднялась в свою комнату. Она набросила на плечи темный плащ, надела широкополую шляпу, глубоко надвинув ее на лоб, и взяла со стола кожаные перчатки и тонкий хлыст. Пристегнула к поясу шпагу в простых ножнах, рядом

закрепила узкий кинжал. На мгновение она замерла у порога, окидывая прощальным взглядом знакомые стены, тяжелую мебель и солнечные лучи, играющие на паркете. Потом отвернулась, глубоко вздохнув, и спустилась в холл.

- Питер, - небрежно бросила она дворецкому, даже не сбавляя шага на лестнице, - раз уж отец уехал, сегодня покатаюсь подольше. Воздух слишком хорош, чтобы сидеть взаперти. Не ждите меня раньше ужина.

- Как прикажете, миледи, - спокойно ответил тот. - Я предупрежу на кухне, чтобы ужин придержали до вашего возвращения. Счастливой прогулки.

- Спасибо, - кратко кивнула Кристин, не оборачиваясь, и свернула в боковой коридор, ведущий к кухне.

Там царил привычный утренний хаос: стучали ножи, шипели сковороды, пахло свежим хлебом и жареным мясом. Повар, увидев ее, почтительно поклонился.

- Мне нужно взять еды для длительной прогулки, Томас, - быстро сказала она. - Отец уехал надолго, и я могу задержаться в лесу до вечера.

Томас ловко завернул в льняные салфетки небольшой, еще теплый каравай хлеба, увесистый ломоть сыра, половину жареной курицы, золотистой и ароматной, и несколько вареных яиц. Затем сложил свертки в прочную холщовую сумку на длинном ремне, добавив сверху три яблока и кожаную фляжку с вином, и с поклоном протянул сумку Кристин.

— Вот, миледи. Хватит до самого вечера, если не больше.

Еда пахла домом и теплом. На мгновение Кристин стало жаль оставлять все это позади, но она быстро подавила эту слабость.

- Спасибо, Томас, - улыбнулась Кристин. - Как всегда, ты спасаешь меня от голода.

Повар улыбнулся в ответ, вытирая руки о передник.

- Всегда рад служить, миледи. Берегите себя в лесу.

В конюшне в этот час было многолюдно и шумно. Младшие конюхи сновали туда-сюда, таская тяжелые ведра с водой и охапки свежего сена, их сапоги глухо стучали по утрамбованному полу. Старшие работники, заложив руки за спину или держа в руках скребницы, лениво покрикивали на них, указывая на недогляд или медлительность:

- Эй, Робби, не спи! Лошадь ждать не будет!

- Куда ты это ведро тащишь? В соседнее стойло, болван!

Заметив Кристин, Хью вывел навстречу оседланного Орфея.

- Все в порядке, миледи, - едва слышно шепнул старик.

Кристин кивнула и шагом двинула Орфея к воротам. Когда они уже почти достигли арки, за которой виднелась дорога, жеребец резко остановился, дернул головой и приподнял переднюю ногу.

Обернувшись к конюшне, Кристин закричала как можно громче:

- Хью! Сюда! Посмотри, что с Орфеем! Он, кажется, хромает!

Подбежав, Хью с криком нагнулся и начал тщательно осматривать ногу жеребца.

- Подкова сбилась, миледи. Ехать на нем сейчас никак нельзя, иначе может остаться хромым на всю жизнь.

- И что теперь? - в притворной досаде воскликнула Кристин, топнув ногой. - Я должна отказаться от прогулки только потому, что вы не исполняете свои обязанности и не уследили за подковой?

Хью низко склонил голову.

- Простите, миледи! Виноват, стар стал, не усмотрел. Но если вы сообразовываете подождать совсем немного, я мигом оседлаю другую лошадь, а Орфея отведу к кузнецу. Завтра сможете выехать на нем как обычно.

- Ждать? – недовольно протянула Кристин. – И сколько это займет?

- Не больше четверти часа, миледи, - ответил Хью, беря Орфея за поводья.

- Ну, хорошо, - наконец снизошла Кристин. – Но поторопись. Не хочу терять полдня из-за этой неприятности.

Когда Хью увел хромающего Орфея, Кристин медленно прошла к каменной скамье неподалеку от главных ворот и уселась на нее, всем своим видом изображая нетерпение. Время от времени она демонстративно вздыхала и ритмично похлопывала хлыстом по голенищу сапога.

Наконец из-за угла показался Хью, ведя под уздцы серую кобылку.

- Наконец-то, - воскликнула Кристин, поднимаясь со скамьи. – Надеюсь, с этой лошастью все в порядке!

Хью подошел ближе и, сделав вид, что поправляет стремя, незаметно сжал ее руку.

- С Богом, девочка, - тихо прошептал он.

Кристин почувствовала, как ком подступает к горлу. Едва сдерживая слезы, она так же тихо прошептала:

- Спасибо, Хью. Я никогда этого не забуду. Никогда.

Потом легко вскочила в седло и, не оглядываясь, выехала за ворота.

Проехав немного по главной дороге, Кристин натянула поводья и ловко спешилась. Она взяла Мисти под уздцы и уверенно шагнула прямо в густые заросли орешника, растущего вдоль обочины. Ветки хлестали по плащу, но она не обращала внимания. У нее оставалось еще одно, самое важное дело перед тем, как исчезнуть навсегда.

Спустя четверть часа блуждания по едва заметной тропе лес расступился. Перед Кристин возникла небольшая покосившаяся избушка, едва заметная среди окружающих ее высоких деревьев и кустарников.

Кристин привязала лошадь к тонкому стволу молодой рябины, росшей у самого крыльца, и негромко позвала:

- Майрин? Ты дома?

Дверь со скрипом отворилась и на пороге показалась сгорбленная фигура старухи. Ее лицо было покрыто глубокими морщинами, но глаза смотрели внимательно и мудро. Она была одета в потертую шерстяную юбку и простую льняную рубаху, заштопанную в десятках мест, однако одежда была безупречно чистой.

Увидев Кристин, старуха не удивилась, лишь уголки ее губ дрогнули в едва заметной улыбке. Она молча махнула сухой рукой внутрь темного проема и тут же снова скрылась в глубине избушки, оставив дверь приоткрытой.

Вслед за ней Кристин шагнула через высокий порог, входя в полумрак жилища.

Обстановка внутри была крайне бедной: посреди комнаты стоял большой, грубо сколоченный стол, вдоль стен тянулись простые лавки, а в углу темнела широкая лежанка. Единственным источником света и тепла была печь - большая, сложенная из камня и глины, с черным зевом топки, откуда еще доносился легкий запах остывающей золы.

На стенах от пола до потолка были развешаны бесчисленные пучки сухих трав, наполняя избушку густым, опьяняющим запахом леса.

Старуха сидела у стола, перебирая скрюченными пальцами какие-то корни.

Майрин считалась ведьмой. Говорили, что она поклоняется древним лесным духам, шепчется с ветром и варит зелья из лунного света. Деревенские жители боялись ее, обходили ее хижину и шептали проклятия за спиной. Но они же тайком, под покровом ночи, приходили к ней за помощью: когда лихорадка не отпускала ребенка, когда скотина переставала доиться или когда рана на ноге не заживала месяцами. Майрин лечила всех, не спрашивая имени и веры, требуя лишь тишины и уважения к лесу.

Много лет назад, когда Кристин было семь лет, во время одной из своих бесконечных игр она убежала слишком далеко в чащу и заблудилась. Майрин нашла ее, дрожащую и плачущую, привела к себе в эту избушку, накормила горячей похлебкой и проводила до самых ворот замка.

С тех пор Кристин стала частой гостьей в этом странном доме. Она не боялась слухов. Для нее Майрин была не ведьмой, а доброй феей и хранительницей лесных тайн. Девочка часто приезжала сюда, привозя гостинцы: свежие продукты, куски добротной ткани для одежды или просто красивые ленты. Никто, кроме Алекса, не знал об этой дружбе.

И сейчас, стоя на пороге этой избушки, Кристин чувствовала то же самое тепло, что и десять лет назад.

- Я помню тебя маленькой, бегущей по мху, - тихо сказала Майрин, наконец поднимая глаза. Ее пронзительный взгляд словно видел душу насквозь. - А теперь ты пришла ко мне взрослой, с тяжестью в сердце и дорогой впереди. Ты наконец решила лететь?

- Да, Майрин, - ответила Кристин, и голос ее дрогнул. - Я...

- Тшшш, - властно перебила Майрин, прижав к губам морщинистый палец. - Я знала, что этот день наступит, дитя. Лес шептал об этом с тех пор, как ты впервые переступила мой порог много лет назад. Твоя мать... она тоже мечтала о свободе, но так и не решилась расправить крылья. Ты не повторишь ее ошибки.

Старуха замолчала, склонив голову набок, словно прислушиваясь к звукам, недоступным человеческому уху: к скрипу веток, к дыханию земли, к далекому зову птиц.

- Иди вперед, дитя, и ничего не бойся, - наконец продолжила она. - Ветер заметет твои следы. И когда ты дойдешь до самого края земли, туда, где небо встречается с морем и звезды светят так ярко, что кажется, до них можно дотянуться рукой... там ты найдешь свою судьбу.

Кристин почувствовала, как тепло разливается по груди, заглушая последний холод страха. Она крепко сжала руку старухи.

- Я найду ее, Майрин. Обещаю.

- Я знаю, - улыбнулась ведьма, и ее лицо озарила странная светлая улыбка.

Забыв про звезды и пророчества, Майрин деловито засуетилась. Она налила в грубую глиняную кружку дымящийся травяной настой, отрезала большой кусок пирога с начинкой из сушеных ягод и поставила это все перед Кристин.

- Поешь пока, дитя. Силы тебе понадобятся, дорога будет нелегкой. А я тем временем соберу тебе немного травок да зелий, - бормотала она, укладывая пучки трав в маленькие холщовые мешочки. — Вот это - от лихорадки и озноба, если ночь застанет в сырой низине. Это - для промывания раны. А этот порошок, если рассыпать у костра, отгоняет не только комаров, но и недобрые взгляды. В дороге все пригодится. Вот здесь, - старуха показала Кристин небольшой туго свернутый пакетик, перевязанный красной нитью, - семена дикой моркови. Заваришь горсть в кипятке и выпьешь, если... - она многозначительно посмотрела на Кристин, - если на пути встретишь мужчину и не захочешь, чтобы эта встреча оставила след в твоём чреве. Выпить надо сразу, в первый же день.

Кристин почувствовала, как жар приливает к щекам, но лишь кивнула.

Майрин ссыпала отобранные сокровища в небольшой кожаный мешочек, крепко завязала его и протянула Кристин.

- Тебе пора, дитя, - тихо сказала она, кивнув в сторону двери.

- Спасибо, Майрин, - прошептала Кристин. Внезапно вся ее сдержанность рухнула. Она крепко обняла старуху, уткнувшись лицом в пахнущее травами плечо, и уже не смогла сдерживать слез.

- Ну, дитя, не нужно плакать, - ласково приговаривала Майрин, глядя ее по голове шершавой рукой. - Слезы не помогут тебе в пути. Помни: судьба любит сильных. Тех, кто не оглядывается назад и не боится сделать шаг в темноту. Иди же.

Кристин отстранилась, глубоко вздохнула и вытерла глаза.

- Я буду сильной, Майрин.

- Я знаю, - улыбнулась старуха. - А теперь ступай. Твоя судьба ждет тебя.

Кристин кивнула и вышла наружу. Утро еще только набирало силу: солнце не поднялось высоко, прохладный воздух был наполнен запахом росы и влажной земли. Она подошла к рябине, где терпеливо дожидалась Мисти, и отвязала поводья. Затем взяла лошадь под уздцы и осторожно повела ее обратно через лес. Ветки тихо шелестели, нежно гладя ее плечи и бока лошади, словно прощались и желали счастливого пути. Под сапогами мягко пружинил мох, заглушая звуки шагов.

Спустя несколько минут лес расступился, и они вышли на дорогу, словно ждущую путников - пыль, нетронутая с вечера, лежала ровным слоем, а косые лучи восходящего солнца освещали колею, уходящую вдаль. Кристин на мгновение остановилась, глядя на этот путь.

Поправив шляпу и глубоко вдохнув свежий утренний воздух, она вскочила в седло.

- Вперед, Мисти, - тихо скомандовала она.

Лошадь послушно шагнула на дорогу.

Глава 3

Первый день путешествия прошел на удивление спокойно, словно сам мир затаил дыхание, давая беглянке фору. Кристин держалась западного берега реки Уз.

Река текла рядом - широкая, ленивая, отражающая голубое небо. Справа тихо шумел лес. Мисти шла уверенно, ее копыта мягко ступали по мху, не оставляя глубоких следов.

Несколько раз они останавливались в тени прибрежных ив.

- Отдохнем, девочка, - тихо говорила Кристин, спешиваясь и снимая седло, чтобы дать спине Мисти передохнуть.

Она позволяла лошади щипать сочную траву у воды, пока сама, присев на камень или упавшее бревно, доставала из сумки припасы.

Вечером они остановились в небольшой роще, где старые дубы нависали над самой водой, создавая естественный шатер. Здесь, в тишине, Кристин впервые почувствовала тяжесть одиночества.

Ночь выдалась беспокойной. Кристин просыпалась несколько раз, хватаясь за рукоять шпаги.

Ее будили звуки ночного леса: хруст веток, который мог оказаться шагом человека; уханье совы, казавшееся в полудреме чьим-то зловещим свистом; шелест листьев, похожий на крадущиеся шаги. Каждый раз она замирала, вслушиваясь в темноту, готовая вскочить в седло и умчаться. Но каждый раз это оказывалось лишь игрой воображения или безобидным зверем - лисой, пробирающейся через кусты, или белкой, роняющей шишку.

Мисти тоже вздрагивала, переступая ногами и тихонько всхрапывая.

- Все хорошо, девочка, это просто лес, - шептала Кристин, гладя ее теплую шею, чтобы успокоить саму себя.

Второй день был долгим и изнурительным. К полудню небо затянуло свинцовыми тучами, предвещая дождь.

На закате они достигли места, где Уз сливался с величественным Трентом. Вода здесь стала шире, быстрее и опаснее. Вдали, чуть выше по течению, сквозь сгущающиеся сумерки виднелись огни Гейнсборо и силуэт моста.

Даже в этот поздний час на мосту кипела жизнь. Факелы выхватывали из темноты бесконечную вереницу телег, груженных товарами, гонцов в пыльных ливреях, стражников с алебардами. Ветер разносил над водой шум голосов, ржание лошадей и лязг оружия.

Кристин вспомнила рассказы о бродах ниже Гейнсборо, где река разливалась широко, но становилась мельче.

- Придется идти через воду, девочка, - прошептала она, поглаживая лошадь.

Спустившись вниз по течению, Кристин нашла место, где берег полого уходил в воду. Река казалась бескрайним темным зеркалом, неподвижным и зловещим. Изредка эта неподвижность нарушалась похожими на утопленников силуэтами веток, которые течение лениво несло вдоль берега. Они медленно проплывали мимо, черные, бесформенные, словно тела тех, кто уже пытался пересечь эту реку и не смог. Это зрелище холодило кровь, напоминая о том, что река жива и безжалостна.

Кристин спешила, сняла плащ и сапоги, привязала их к луке седла и осторожно вошла в воду, ведя за собой лошадь. Холод обжег босые ноги, дыхание перехватило.

Медленно, шаг за шагом, тщательно ощупывая дно ногами перед каждым движением, она двигалась к середине реки. Вода поднялась до колен, затем до бедер. Течение толкало в бок, пытаясь сбить с ног, но Кристин шла, чувствуя под ногами скользкий ил и камни.

Они благополучно миновали середину реки, когда Мисти вдруг шарахнулась в сторону. Ее передняя нога угодила в глубокую яму на дне. Лошадь резко дернулась, пытаясь вскинуть голову, но потеряла опору. Она дико заржала, мотая головой, и забилась, разбрызгивая вокруг фонтаны черной воды.

Резкий рывок едва не вырвал поводья из рук Кристин. Мисти начала валиться вперед и вбок, прямо в глубину, чуть не утанув Кристин под воду. Ледяная волна захлестнула ее с головой.

Собрав последние силы, Кристин уперлась босыми ногами в скользкое дно, и изо всех сил потянула поводья на себя, не давая лошади уйти под воду полностью. Чувствуя поддержку хозяйки, Мисти перестала паниковать. Она резко просела крупом, перенося весь вес на задние ноги, раздался громкий хлопаяющий звук, и застрявшее копыто выскользнуло из ямы. Как только копыта Мисти снова нащупали твердую опору, Кристин мгновенно метнулась к ее голове. Она крепко обхватила шею животного и бессвязно забормотала что-то успокаивающее. Мисти перестала биться, тяжело фыркнула, выдыхая воду из ноздрей, и послушно двинулась вперед. Еще несколько шагов сквозь ледяной поток - и они выбрались на противоположный берег: дрожащие, мокрые насквозь, едва держась на ногах.

Они отошли от реки и углубились в густой прибрежный лес. Деревья стояли плотно, их кроны сплетались над головой, скрывая от посторонних глаз. Кристин остановилась лишь тогда, когда убедилась: даже если кто-то с моста посмотрит в эту сторону, он увидит лишь непроницаемую стену тьмы.

Только теперь она позволила себе расслабиться.

- Все, мы в безопасности, - выдохнула она, опускаясь на колени, и начала собирать сухой валежник, мох и прошлогодние листья. Руки дрожали так сильно, что несколько раз она роняла ветки, прежде чем собрать небольшую кучу.

Достав из сумки огниво и кремь, она высекла искру. Сухой мох вспыхнул мгновенно. Кристин осторожно подкладывала ветки, пока маленький язычок пламени не превратился в уютно потрескивающий костер.

Дрожащими руками она стянула ледяную, липнущую к телу одежду и развесила ее на низких ветках вокруг костра. Затем достала из седельной сумки сухую одежду и быстро оделась.

Мисти тихо фыркала рядом, перебирая ногами и пощипывая молодую траву и свежие листья с кустов, растущих рядом.

Кристин подбросила в огонь несколько толстых сухих веток. Пламя жадно захватило их, затрещало и взметнулось вверх, выбрасывая снопы искр в темное небо и отбрасывая длинные тени на стволы деревьев. Жар сразу стал ощутимее, лаская окоченевшее тело.

Где-то в глубине сознания шевельнулась мысль: «Надо бы поесть...» Она даже потянулась рукой к сумке, но пальцы не послушались. Голод оказался слабее всепоглощающей усталости. Рука бессильно опустилась на колени.

Веки наливались свинцовой тяжестью, мир вокруг начал терять четкость. Треск огня удалялся, становился глухим, тени деревьев сливались в единое темное море.

- Потом... - едва слышно прошептала Кристин и провалилась в глубокий сон.

Следующие два дня Кристин ехала по тихим проселочным дорогам, избегая главных трактов. Один раз она остановилась в маленькой глухой деревушке, где купила у молчаливой старухи немного хлеба, сыра и вяленого мяса. Ночь она провела в старом, пахнущем сеном амбаре. Хозяева даже не подозревали, что под их крышей ночует гостья.

К вечеру третьего дня зеленые холмы и леса остались позади, уступив место бескрайней серой равнине Фенских болот. Тяжелый воздух был пропитан запахом гниющей травы, ила и стоячей воды. Низкое небо казалось свинцовым куполом.

Кристин шла осторожно, ведя Мисти на поводу. Каждый шаг требовал внимания. Покрытая мхом земля под ногами могла в любой момент провалиться, открывая черную, вязкую жижу. Мисти тоже чувствовала опасность, ступала неуверенно, постоянно фырка и шарахалась от внезапных всплесков или вылетающих из камышей птиц.

Найти место для ночлега было непросто. Казалось, болото не желало пускать чужаков. Но к сумеркам Кристин заметила небольшой островок суши - кочку, поросшую жесткой осокой и несколькими искривленными ивами.

Едва держась на ногах от усталости, она привязала Мисти к стволу, а сама свернулась клубком на сухой траве. Сон, тяжелый и липкий, как болотный туман, накрыл ее мгновенно.

Разбудили ее стоны.

Кристин подумала, что это ветер гуляет в сухом тростнике, но звук был другим. Низкий, протяжный, полный невыразимой тоски и боли, он шел словно из-под земли, из самой глубины черной воды.

Она резко села, хватаясь за рукоять шпаги. Вокруг стояла мертвая, давящая тишина, нарушаемая лишь этими протяжными вздохами. И тогда она увидела их.

Болотные огни.

Сначала появился один - маленький бледно-голубой шарик света, дрожащий над поверхностью воды в нескольких ярдах от нее. Затем второй, третий. Огни плавно парили над трясиной, меняя форму: то вытягиваясь в длинные языки пламени, то сжимаясь в яркие точки. От их холодного света рябило в глазах.

«Крис-с-с-тин, - прошепел голос, похожий на шорох высохших листьев. — Иди к нам... Здесь тепло... Здесь нет боли...»

Голос звучал обманчиво знакомо. На мгновение Кристин показалось, что это голос матери, зовущий ее домой. Сердце екнуло. Нога сама потянулась сделать шаг вперед, к манящему свету. Туман вокруг начал сгущаться, принимая очертания человеческих фигур, тянущих к ней призрачные руки.

Мисти заржала, тревожно переступая копытами, но Кристин едва слышала ее. Она видела только эти огни. Холод отступал, сменяясь странным теплом, исходящим от болота. Ей хотелось лечь, закрыть глаза и позволить этому теплу поглотить себя.

«Просто один шаг...» - шептал разум, затуманенный магией Фенов.

Кристин медленно поднялась на ноги. Взгляд был прикован к самому яркому огню, который танцевал прямо перед ней. Она сделала неуверенный шаг вперед, затем другой...

Нога зацепилась за скрытый в траве корень и Кристин тяжело упала вперед, ударившись левым локтем о твердый выступ земли.

Боль вспыхнула мгновенно и ослепительно. Острая, жгучая волна пронзила руку, разорвав тонкую паутину чар, окутывавшую ее разум.

Игнорируя боль, Кристин быстро перекатилась на спину и схватила лежащую рядом шпагу. Холодная сталь эфеса врезалась в ладонь, окончательно возвращая ее к реальности.

Борясь с желанием снова посмотреть на огни, Кристин схватила мешочек с травами, который дала ведьма, и рассыпала их вокруг своего небольшого лагеря. Резкий, горький запах ударил в нос, перебивая сладковатый аромат гнили, исходящий от болота.

Собрав несколько лежащих рядом сухих веток, Кристин развела костер и бросила в пламя щепотку трав их того же мешочка. Пламя высоко взметнулось, вспыхнув ослепительно ярким, почти белым светом. Огонь заревел, расширяясь и отбрасывая резкие тени. Его громкий, сухой треск заглушил стоны духов.

- Я иду сквозь вас, но не принадлежу вам! - громко крикнула Кристин. - Вы - лишь память. А я - жизнь!

Болотные огни замерли. Призрачные фигуры в тумане заколебались, словно дым на ветру. Стоны превратились в недовольное шипение. Один из огней попытался приблизиться, скользя над самой землей, но, коснувшись границы, посыпанной травами, резко дернулся назад и погас, издав короткий, разочарованный свист.

Часы тянулись бесконечно долго. Сжимая в руке шпагу, Кристин сидела у костра и смотрела прямо перед собой, в темную пустоту за пределами круга света, боясь даже краем глаза взглянуть на болотные огни, которые танцевали на периферии зрения. Ей казалось, что если она посмотрит на них, то навсегда потеряет себя в их холодном сиянии.

Чтобы заглушить стоны, доносившиеся из тумана, и собственный страх, она начала петь. Голос ее сперва дрожал, был тихим и хриплым, но с каждой строкой становился тверже. Это были простые песни, которые она учила в замке, сидя у камина с Алексом или слушая рассказы Аластера.

Наконец сквозь свинцовые тучи пробились первые лучи солнца. Болотные огни побледнели и растворились в утреннем тумане. Стоны стихли, сменившись криками просыпающихся птиц и кваканьем лягушек.

Когда солнце полностью взошло, осветив бескрайние просторы Фенов, Кристин наконец выдохнула. Она прошла испытание. Она была жива.

- Мы справились, девочка, - прошептала она, поднимаясь на дрожащие ноги.

Затем собрала вещи, проверила оружие и, бросив последний взгляд на место, где ночью танцевали огни, повела Мисти дальше, вглубь болот.

Кристин надеялась найти продолжение вчерашней тропы, но ночной туман и ветер стерли все ориентиры. Камыши, высокие и плотные, стояли стеной, одинаковые во всех направлениях. Солнце снова скрылось за тучами.

- Направо? Налево? - гадала она, глядя на бесконечные коридоры воды и травы.

Наконец Кристин выбрала направление, которое казалось ей правильным, но спустя два часа они вышли к тому же самому островку с искривленными ивами, где ночевали.

Она остановилась как вкопанная. Ее взгляд медленно обошел лагерь: остатки костра, примятая трава там, где она спала. Они ходили кругами. Болото не отпускало ее.

- Черт возьми! - громко и зло выругалась Кристин, и ее голос эхом отразился от водной глади.

Потом резко развернулась и повела лошадь в другую сторону.

Идти было тяжело. Кристин приходилось раздвигать стебли руками, а Мисти - пробираться сквозь густую сеть корней. Спустя полчаса тропа, если ее можно было так назвать, внезапно оборвалась.

Перед ними открылась черная, неподвижная гладь глубокой заводи. Твердая земля закончилась, словно обрезанная ножом. Кристин едва успела отдернуть ногу, а Мисти, доверчиво ступившая следом, чуть не угодила копытами в зыбучую трясины. Лошадь испуганно шарахнулась в сторону, едва не сбив хозяйку в воду.

- Стой! - крикнула Кристин, рванув поводья и удержав равновесие на скользком краю.

Они замерли на узкой полоске суши, окруженные со всех сторон водой и туманом. Кристин тяжело дышала, чувствуя, как страх подступает к горлу. Но тут в мертвой тишине раздался звук, который не мог принадлежать болоту, - шлепание весел по воде.

Из молочной пелены тумана выплыла широкая плоская лодка, сделанная из почерневшего дерева. В ней, опираясь на длинный шест, стоял старик в лохмотьях. Лицо было скрыто

глубоким капюшоном, но Кристин заметила пронзительный взгляд единственного видимого глаза.

- Заблудилась? – хрипло спросил он.

Кристин напряглась, рука легла на эфес шпаги.

- Я ищу путь на юг, к твердой земле.

Старик усмехнулся, обнажив черные зубы.

- Твердая земля далеко. А ты идешь в «Глотку». Там земля ест людей.

Он помолчал, оценивающе глядя на нее.

- Я могу вывести тебя на старую римскую дамбу, что ведет к южным холмам. Но цена высока.

Кристин колебалась. Она боялась довериться незнакомцу в этом проклятом месте, но еще сильнее боялась погибнуть, провалившись в трясину.

- У меня есть деньги, - наконец ответила она, положив руку на кошель у пояса.

Старик снова усмехнулся.

- Мне не нужно твое золото. Здесь оно бесполезно. Мне нужна новость из мира живых или вещь, которая имеет ценность для тебя.

Кристин задумалась. Новостей у нее не было, кроме тех, что могли стоить ей свободы. Оставалось только одно. Ее пальцы нашли на шее тонкую серебряную цепочку с небольшим медальоном в виде листа клевера. Эта вещь была с ней с самого детства. Мать носила медальон, когда сама была девочкой, а на пятый день рождения Кристин подарила его ей, сказав: *«Пусть он хранит тебя, когда я не смогу»*. С тех пор Кристин не снимала медальон ни на минуту.

Сердце сжалось от боли, словно она отрывала часть себя, рука дрогнула, но она протянула цепочку старику.

- Возьми.

Старик ловко поймал серебро своей костлявой рукой. Он поднес его к глазам, осмотрел, потом прижал к губам, словно вдыхая запах металла.

- Хорошая память, - пробормотал он. - Чистая. Ладно.

Он поднял шест и указал им на запад, туда, где туман казался особенно густым и непроглядным.

- Иди прямо, пока не увидишь камень с высеченным крестом. Он стоит посреди воды, но вокруг него сухо. Как увидишь - поверни направо. Иди только по твердой тропе, даже если она кажется узкой.

Старик наклонился ближе, его голос перешел в ледяной шепот:

- И не оборачивайся, что бы ты ни услышала. Если обернешься — тропа исчезнет, и ты станешь частью болота. Поняла?

Кристин кивнула, чувствуя, как холод пробегает по спине.

- Ступай же, - махнул рукой старик. - Пока солнце не село. После заката Фены принадлежат мертвым.

С этими словами он оттолкнулся от берега и лодка бесшумно отплыла назад, растворяясь в тумане.

Кристин глубоко вдохнула затхлый воздух, поправила поводья и шагнула вперед.

Спустя час она действительно нашла камень с крестом - древний, покрытый мхом валун, стоящий посреди черной воды. Вокруг него была узкая полоска суши. Кристин повернула направо, как было велено.

Не успела она сделать и трех шагов, как за спиной раздался тихий плач ребенка. Кристин стиснула зубы и шла, глядя прямо перед собой. Затем она услышала голос матери: *«Кристин, вернись, холодно...»*. Голос был таким реальным, таким родным, что слезы навернулись на глаза. Она ущипнула себя за руку и продолжила идти.

Потом послышался голос Алекса, зовущего ее с верхушки высокого дерева. Потом крики стражников, ищущих беглянку.

Мисти тоже слышала голоса. Лошадь шарахалась, фыркала, пятилась. Кристин гладила ее шею, шепча успокаивающие слова, но не останавливалась ни на секунду.

И вдруг голоса оборвались. Туман разошелся. Под ногами оказалась твердая, каменистая дорога - та самая римская дамба, широкая и прямая, уходящая вдаль, прочь от болот.

К вечеру туман окончательно рассеялся и перед Кристин открылись зеленые поля и леса Кембриджшира. Вдали виднелись дымки деревень.

Переночевав в лесу, она вышла к дороге, залитой теплым утренним светом, остановилась на обочине, прячась за густым кустарником, и задумалась. Ехать по дороге, рискуя быть пойманной, или снова идти лесами и проселками, теряя драгоценное время?

Она уже решила свернуть в чашу, чтобы обойти ближайшую деревню, как позади раздался скрип колес и ржание лошадей. Из-за поворота показался караван: пять тяжелых фургонов, груженных тюками с шерстью и тканями, и дюжина вооруженных охранников.

Выход нашелся сам.

Кристин небрежно сдвинула шляпу набок, провела рукой по лицу, чтобы размазать грязь, и вышла на обочину.

- Эй! Доброго пути! - крикнула она низким твердым голосом, перекрикивая скрип колес.

Начальник охраны, суровый мужчина с красным лицом и рыжими усами, придержал коня.

- Иди своей дорогой, парень. Бродягам не подаем.

Кристин шагнула вперед, ведя за собой лошадь.

- Мне не нужны деньги. Мне нужна компания. Я - Крис, внебрачный сын лорда Эшфорда из Йорка. После смерти отца законная жена и его дети выгнали меня из дома, оставив лишь этого коня да немного золота. Еду в Дувр, к родне покойной матушки, надеюсь, они не отвернутся от бедного родственника.

Начальник охраны окинул ее оценивающим взглядом, отметив хорошего коня, дорогую шпагу и добротную одежду. Затем помолчал несколько секунд и усмехнулся.

- Лорд Эшфорд, говоришь? Слышал я про этого старого скрягу. Не повезло тебе, парень, что родился не с той стороны одеяла.

Он махнул рукой одному из своих людей.

- Ладно, можешь ехать с нами до Лондона. Работаешь вместе со всеми, ночуешь у костра, ешь из общего котла. И учти: попытаешься что-нибудь стянуть или начнешь создавать проблемы – мои ребята с тобой церемониться не будут.

- Благодарю, - кинула Кристин, стараясь скрыть радость.

Начальник охраны уже отвернулся, отдавая команду двигаться дальше, и Кристин осторожно ввела Мисти в строй, заняв место рядом с фургоном в хвосте колонны.

Следующие четыре дня прошли спокойно и однообразно. Днем караван двигался неторопливым, но уверенным шагом, поднимая облака пыли, а по ночам на привалах Кристин жила жизнью обычного охранника. Она спала на жесткой земле у костра, свернувшись калачиком и закутавшись в плащ, ела черствый хлеб и соленое сало, запивая кислым элем. По вечерам ей перепадала миска горячей похлебки – густой, пряной и невероятно вкусной после торопливых перекусов в седле.

Кристин помогала чинить сбрую, проверяла подковы, наравне с остальными охранниками стояла в ночных дозорах. Она грубо шутила в ответ на шутки погонщиков, но старалась ни с кем не заговаривать первой.

Поначалу молодые охранники пытались задирать «изнеженного графского сынка», ожидая увидеть капризы или слабость. Они подшучивали над ее худобой, над тем, как она держит ложку, над ее молчаливостью. Но Кристин не обижалась и не жаловалась, она просто работала.

Постепенно их отношение изменилось. Видя ее выносливость и серьезное отношение к делу, охранники прониклись к ней уважением.

- Неплохо ты держишься, парень, - сказал однажды начальник охраны, проходя мимо и видя, как Кристин помогает затягивать груз на фургоне. - Для неженки у тебя руки рабочие.

Кристин лишь кивнула.

Вечером четвертого дня караван остановился неподалеку от Илфорда - небольшой, но оживленной деревни, расположенной всего в нескольких милях к востоку от Лондона. Здесь дорога становилась шире и многолюдней, а запах столицы - смесь дыма, специй и нечистот - уже чувствовался в воздухе, смешиваясь с ароматом влажной земли после недавнего дождя.

Начальник охраны, разминая затекшую спину у костра, бросил взгляд на темнеющий горизонт, где небо было окрашено в багровые тона заката.

- Завтра к полудню будем в Лондоне, - сказал он, обращаясь скорее к себе, чем к окружающим, но его голос был слышен всем. - Ночью дежурство усиленное. Вокруг столицы всегда шныряет много крыс, желающих поживиться чужим добром.

Кристин подошла к начальнику охраны, когда тот заканчивал свой ужин.

- Спасибо за компанию и за еду, - сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. - Как мы и договаривали, я еду с вами только до окраин Лондона. Утром я сверну на юг и поеду своей дорогой.

Начальник охраны поднял на нее глаза.

- Будь осторожен, парень. В этих краях опасно ходить одному, даже с мечом.

Кристин достала из кошелька серебряную монету и протянула ее мужчине, но он покачал головой и решительно отстранил ее руку.

- Убери свое серебро, парень. Ты отработал каждый съеденный кусок, так что мы квиты.

- Тогда спасибо, - кивнула она, убирая монету обратно. - И удачной торговли в Лондоне.

- И тебе удачи, Крис, - ответил он, снова принимаясь за еду. - Надеюсь, твои родственники в Дувре окажутся гостеприимнее, чем твоя семья в Йорке.

Покинув караван на рассвете пятого дня, Кристин направилась на юг в сторону реки Медуэй, держась в стороне от больших трактов. К полудню она увидела узкий, шаткий деревянный мостик недалеко от маленькой сонной деревушки. Мост был предназначен для пешеходов и небольших телег с сеном, перила местами отсутствовали, а доски были покрыты скользким мхом.

Кристин спешила и осторожно ступила на первую доску. Дерево жалобно скрипнуло. Вода внизу казалась черной и глубокой, скрывая острые камни и коряги.

Каждый шаг давался с трудом. Доски прогибались под весом лошади, издавая тревожный треск. Кристин крепко держала поводья, готовая в любой момент поддержать животное или успокоить его. Сердце билось где-то в горле.

Наконец копыта Мисти ступили на твердый берег. Кристин выдохнула, чувствуя, как напряжение покидает тело, и снова села в седло.

Южнее Медуэя начинались леса Велда - древние, густые и мрачные. Здесь деревья стояли так плотно, что дневной свет с трудом пробивался сквозь кроны редкими пыльными лучами. Узкие, извилистые тропинки терялись в папоротниках. Воздух пах прелой листвой и сыростью.

На второй день пути по лесу, когда солнце начало клониться к закату, еле видная тропинка уперлась в густые заросли ежевики. Колючие ветви цеплялись за одежду и сбрую, не

желая пропускать путников. Кристин продиралась сквозь них, чертыхаясь и заслоняя лицо руками.

Едва она миновала заросли и вышла на небольшую полянку, из тени деревьев медленно, словно вырастая из самой земли, появились трое мужчин.

Оборванные, грязные, вооруженные лишь дубинами и ржавыми ножами, они выглядели голодными и отчаянными, но глаза горели злобой и жадностью.

- Стой, путник, - прохрипел один из них, видимо главарь, высокий детина с рябым лицом и переломанным носом. Он преградил путь, широко расставив ноги, и грубо схватил Мисти под уздцы, не давая лошади сделать ни шага назад. Двое других обошли Кристин по сторонам, отрезая путь назад.

- Кошель или жизнь. И коня тоже заберем. Мясо у него доброе.

Кристин медленно подняла руки.

- Не бейте! - воскликнула она, стараясь, чтобы голос дрожал. - Я отдам все. У меня есть деньги. Только не трогайте меня и оставьте коня. Без него я не смогу доставить письма герцога Норфолка, и тогда его гнев падет не только на меня, но и на всех, кто меня задержал.

- Плевать нам на герцога, - усмехнулся главарь, делая шаг вперед. - Давай кошелек.

Кристин кивнула, изображая поспешное согласие.

- Хорошо. Но прошу, оставьте мне лошадь. Если я не вернусь к закату, меня будут искать.

— Это будет зависеть от того, сколько денег в кошельке, парень, - прищурился главарь.

- Если там пусто, заберем и коня, и твою шкуру.

Кристин медленно отстегнула кошель от пояса. Набитый мелкими монетами, он казался тяжелым, хотя золото и драгоценности Кристин хранила на дне седельной сумки.

- Здесь достаточно, чтобы вы безбедно жили месяц, - сказала она.

Она сделала резкое движение рукой, будто бросая кошель на обочину, в густые кусты справа от тропы.

- Ловите!

Двое разбойников бросились в кусты, шаря глазами в поисках звонкой добычи. Только главарь остался на месте, держа дубину наготове и глядя на Кристин.

- Хитрая крыса, - процедил он. - А ну слезай с коня!

Но Кристин не собиралась слезать. Как только двое отвлеклись, она резко дернула поводья вверх и ударила Мисти пятками в бока.

Лошадь мгновенно встала на дыбы. Огромные передние копыта взметнулись в воздух, целясь прямо в грудь главаря. Тот едва успел отшатнуться, но удар пришелся по его плечу и голове. С глухим стоном разбойник рухнул на землю, выпуская из рук дубину.

Мисти перепрыгнула через него, словно через бревно, и помчалась по тропе.

Позади слышались проклятия разбойников, которые поняли, что кошель так и остался в руках Кристин. Гневные выкрики смешивались с треском ломающихся веток, когда они пытались выбраться из кустов.

Один из них выскочил на опушку и попытался бросить в удаляющуюся всадницу камень. Камень со свистом рассек воздух, но пролетел высоко над головой Кристин, даже не задев шляпы.

Мисти неслась как ветер, ее копыта едва касались земли. Ветки хлестали Кристин по лицу, оставляя тонкие царапины, но она не обращала на них внимания. Главное было – уйти как можно дальше от разбойников.

Через несколько минут крики стихли, растворившись в шелесте листвы и дыхании лошади. Кристин позволила Мисти перейти на рысь, а затем и на шаг, чтобы восстановить дыхание.

Тяжелой пеленой навалилась усталость, каждое движение давалось с трудом. Мисти тоже вымоталась - лошадь шла понуро, опустив голову, и лишь изредка фыркала, стряхивая назойливых мух.

Солнце уже скрылось и лес начал меняться. Дневные тени сгущались, превращаясь в черные провалы между стволами, воздух стал холодным и сырым.

Кристин знала, что должна остановиться. Лошади нужен отдых, ей самой нужно поспать хотя бы пару часов, чтобы сохранить ясность ума. Но мысль о ночлеге в этом лесу, кишасщем разбойниками, вызывала у нее ужас, который был сильнее усталости.

Каждый час пути казался вечностью. Голова клонила вниз, веки слипались. Кристин несколько раз чуть не выпала из седла, просыпаясь от резкого рывка лошади.

Наконец деревья расступились, открывая вид на небольшую долину, где мерцали редкие тусклые огоньки. На обочине тропы возвышался покосившийся деревянный столб. Верхняя перекладина была почти отгнившей, но вырезанные буквы все еще можно было разобрать при свете луны: «ХОКХЕРСТ».

В центре деревни, на небольшом пустыре, стоял трактир. Вывеска - деревянный щит с изображением хромой лисы - слабо покачивалась на ржавых крюках. Из-под двери пробивалась узкая полоска тусклого света. Запах еды ударил Кристин в нос, вызывая болезненное урчание в пустом желудке.

Внутри трактира было тепло и шумно, но этот шум был тихим, будничным. За несколькими столами сидели местные фермеры, допивая эль. Когда дверь скрипнула, разговоры стихли. Несколько ленивых взглядов скользнули по вошедшей, не проявляя особого интереса. Но тишина длилась недолго, несколько мгновений спустя гул голосов возобновился.

- Мне бы комнату, - сказала она, стараясь, чтобы голос звучал твердо, но не вызывающе.
- И конюшню для лошади. Сена и воды.

Трактирщик, грузный мужчина с красным лицом в испачканном мукой переднике, медленно обвел ее взглядом.

- Комната есть, - буркнул он. - Пять пенсов за ночь. И еще два за ужин. Похлебка и хлеб.

Кристин кивнула и достала из поясного кошелька несколько медных монет. Трактирщик взял деньги, пересчитал их на ладони с привычной жадностью и кивнул девушке за стойкой. Та, не проронив ни слова, молча указала подбородком на узкую, темную лестницу в углу зала, ведущую на второй этаж.

- Конюх уведет твою лошадь, - бросил трактирщик, уже отворачиваясь к бочке с элем.

Ужин принесли быстро - простая похлебка из репы и ячменя, черствый хлеб. Кристин ела медленно, смакуя каждый кусочек, чувствуя, как тепло разливается по телу. После еды она заперла дверь на засов, придвинула к ней тяжелый стул и только тогда позволила себе расслабиться.

За окном начинался дождь. Капли барабанили по соломенной крыше, создавая монотонный, убаюкивающий шум. Кристин, не раздеваясь, легла на кровать. Жесткий тюфяк, набитый соломой, сейчас казался самым мягким ложем в мире. Она закрыла глаза, и темнота комнаты сомкнулась над ней, как одеяло.

Впервые со дня побега она ночевала под крышей.

Утро выдалось ясным, но прохладным. Кристин выехала из Хокхерста на рассвете, когда туман еще лежал в низинах. Переход через Норт-Даунс прошел гладко - возможно, удача наконец улыбнулась ей, или же боги устали испытывать ее терпение. Каменистые тропы меловых холмов сменились пологими спусками, и воздух постепенно становился влажным, соленым.

Кентерберри она обошла широкой дугой, держась южных склонов, избегая даже тени его высоких стен.

Дорога стала лучше, но Кристин съехала с нее, предпочитая двигаться параллельно, через поля и перелески. Каждый звук, каждый шорох заставлял ее вздрагивать, но никто не преследовал ее.

После очередного подъема на небольшой холм ветер принес резкий, свежий аромат моря. Кристин натянула поводья, заставляя Мисти остановиться.

Перед ней, в конце длинной долины, открывался вид, от которого перехватило дыхание. Белые скалы Дувра.

Они возвышались над серой гладью пролива, сияющие в лучах утреннего солнца, словно гигантские кости земли, обнаженные временем. На вершине скал чернели зубчатые стены замка, а у подножия, в маленькой бухте, покачивались на волнах мачты кораблей, готовых уйти в море.

Дувр встретил ее запахом рыбы, гниющих водорослей и руганью портовых грузчиков. Узкие улочки, спускающиеся к воде, были запружены народом: матросы в тельняшках, торговцы, наперебой предлагающие свой товар, и стражники в ливреях короля, лениво наблюдающие за толпой.

Кристин держалась тени стен, стараясь слиться с серым камнем. Ей нужно было найти корабль, но ни один из тех, что стояли у главного причала под пристальным взглядом таможенников, не годился. Она искала судно, которое смогло бы тихо проскользнуть мимо стражников.

Она свернула с мощеной набережной в лабиринт узких переулков, ведущих к нижнему причалу - месту, где швартовались рыбацьи лодки и мелкие каботажные суда. Здесь пахло сильнее: резкий запах вяленой рыбы, смешанный с запахами смолы, нечистот и дешевого эля, бил в нос. Дома здесь были ниже, крыши прогнили, а мостовая состояла из скользких, покрытых водорослями камней.

Внезапно ее внимание привлек шум в переулке между складами.

- Отдай, мелкий щенок!

Трое парней лет пятнадцати-шестнадцати окружили мальчишку лет десяти. Тот прижался к стене, защищая руками маленький сверток. Один из хулиганов замахнулся кулаком, другой пнул его по ноге. Мальчик вскрикнул, но не отпустил сверток.

Кристин быстро наклонилась, схватила с земли увесистый булыжник и с силой швырнула его в деревянную балку над головами драчунов.

Парни вздрогнули и обернулись.

- Кто там?! - гаркнул самый старший.

Кристин вышла из тени, выпрямившись во весь рост.

- Стража любит таких шумных, - с усмешкой произнесла она. - Позвать их? Думаю, им будет интересно узнать, почему вы грабите детей.

Парни переглянулись. По-видимому, упоминание стражи остудило их пыл.

- Пойдем, он того не стоит, - пробурчал один из них, сплевывая на землю. - Найдем еще кого-нибудь.

Мальчик медленно опустил руки. Лицо его было в синяках, губа разбита, но глаза блестели упрямым огоньком. Он поднял сверток — это была буханка черствого хлеба.

- Спасибо, м... мистер, — пробормотал он, косясь на ее мужскую одежду.

- Ты в порядке?

Мальчик кивнул, вытирая кровь с губы.

- Я у вас в долгу. Меня зовут Том.

Кристин решила рискнуть.

- Том, ты знаешь эти доки лучше, чем кто-либо. Мне нужно уплыть во Францию. Но не на большом корабле, где спрашивают документы и досматривают трюмы. Я ищу небольшое судно, которое уходит сегодня ночью или на рассвете. И чтобы капитан не задавал лишних вопросов.

— Это опасно, - прошептал Том, оглядываясь по сторонам. - Стража проверяет все официальные суда. - Но... есть один человек. Билл-Молчун. Его шхуна «Ласточка» старая, но быстрая, как ветер. Билл возит в Кале шерсть и сукно, а оттуда - контрабандный шелк и французское вино.

- Где его найти?

- В таверне «Пьяная русалка» на нижнем причале. Билл всегда сидит один в дальнем углу, спиной к стене. У него рыжая борода, заплетенная в косички, так что не ошибешься.

Кристин улыбнулась и вложила в руку мальчику серебряный шиллинг. Том замер, глядя на монету широко раскрытыми глазами. Для него это было целое состояние.

- Спасибо, Том, - тихо сказала она.

Мальчик судорожно сжал пальцы, пряча деньги.

- Подождите. Билл... он не доверяет чужим. Скажите, что вас послал Том-Юла. И вот...

- Том протянул ей маленький серый камешек с дыркой посередине. — Это мой талисман. Покажите ему.

Кристин взяла камешек, еще теплый от руки мальчика.

- А как же ты без талисмана? - спросила она. - Я не могу взять то, что тебе дорого.

Том лишь беззаботно махнул рукой и широко улыбнулся.

- Пустяки! Я потом заберу его у Билла. Он знает, что этот камень - моя удача и вернет его, чтобы не потерять свою. А вам он сейчас нужнее. С ним Билл вас послушает.

Мальчик снова махнул рукой и исчез в лабиринте переулков. Кристин же, сжимая в руке странный талисман, направилась к нижнему причалу.

Глава 4

Плавание через Ла-Манш оказалось на удивление спокойным. Море, обычно коварное в этих широтах, словно сжалилось над беглянкой и лежало ровной свинцовой гладью. «Ласточка» шла мягко, почти не качаясь, и матросы крестились, шепча о добрых знамениях.

За дополнительную золотую монету, которую Кристин отдала без колебаний, в трюме нашлось место для Мисти. Лошадь стояла в тесноте, среди тюков с шерстью и свернутых парусов, но юнга выделил ей угол посуше и постелил соломы.

На рассвете третьего дня шхуна бесшумно скользнула в узкую расщелину между скалами.

- Виссан, - капитан махнул рукой в сторону небольшой деревушки, прижавшейся к меловым утесам. - До Кале пять миль по прямой через дюны.

Прежде чем Кристин успела ответить, он отвернулся и начал давать распоряжения команде, всем видом показывая, что разговор окончен. Кристин поблагодарила его коротким кивком и вывела Мисти на берег.

Лошадь ступила на мокрый песок, фыркнула и отряхнулась, разбрызгивая соленые капли. Шхуна медленно отошла от берега, развернулась и вскоре растворилась в утренней дымке, оставив Кристин одну на пустынном пляже.

Тишина нарушалась только плеском волн и криками чаек. Впереди, за дюнами, виднелись крыши Виссана. Солнце поднялось уже достаточно высоко, чтобы согреть воздух, но ветер с моря пронизывал насквозь.

Первым порывом было сразу же пустить лошадь в галоп в сторону Кале, но урчание в пустом желудке заставило изменить планы.

Кристин повела Мисти вверх по песчаному склону, направляясь к деревне. Виссан выглядел сонным и мирным. Рыбаки чинили сети, женщины выносили белье, дети бегали босиком по улице. Никто не обращал внимания на одинокую всадницу в дорожной пыли.

Кристин нашла небольшую таверну с вывеской «У старого рыбака». Она оставила Мисти на попечение конюха и, заняв столик в углу, заказала миску горячего рыбного супа, кусок черного хлеба и кружку легкого вина. Еда показалась ей божественной. Горячий суп согрел изнутри, вернув силы и ясность мыслей.

После недолгих раздумий Кристин решила, что может остановиться в Кале на несколько дней. Погони пока можно было не опасаться. Она и Мисти нуждались в отдыхе после двухнедельной скачки по лесам и болотам Англии. Да и одежду не мешало бы вычистить и постирать – за время путешествия она превратилась в сплошное пятно из грязи, дорожной пыли и болотной тины.

Кристин допила остатки вина и вышла из таверны. Мисти, накормленная и отдохнувшая, нетерпеливо перебирала копытами у крыльца. Кристин вскочила в седло, чувствуя, как силы возвращаются к ней с каждым глотком свежего воздуха.

- Ну что, девочка, - тихо сказала она, направляя лошадь к выезду из деревни. - Едем в Кале. Нам нужен отдых.

Дорога через дюны оказалась легкой. Мисти бодро бежала по плотному песку, утрамбованному ветрами и временем. Солнце припекало, но морской бриз охлаждал лицо, помогая забыть об усталости.

Кале вырос перед ними внезапно: высокие серые стены, башни с зубцами, флаги, трепещущие на ветру. Город гудел, как огромный улей. Соленый морской ветер смешивался с пряными запахами чеснока, вина и дыма.

Кристин придержала лошадь у ворот и огляделась. Стражники у входа были ленивы и равнодушны, их больше интересовали телеги с товарами, чем одинокие всадники.

После недолгих блужданий по извилистым, мощеным булыжником улицам Кале Кристин нашла приличный на вид постоялый двор. На ветру качалась вывеска с изображением серебряного ключа, из открытых дверей доносились звуки лютни и смех.

Кристин спешила к крыльцу, отряхнула пыль с плаща и вошла внутрь. Запах жареного мяса и пряного вина ударил ей в нос. Зал был полон: торговцы в бархатных камзолах, моряки с обветренными лицами, несколько монахов в темных рясах.

Она подошла к стойке, где стоял хозяин - высокий мужчина в белоснежном переднике.

- Мне нужна комната на три ночи и конюшня для лошади.

Хозяин даже не поднял головы.

- Мест нет.

Кристин удивленно моргнула.

- Но... Неужели нет ни одной свободной комнаты?

- Занято. Все, - отрезал хозяин, наконец взглянув на нее.

Кристин достала из кармана золотую монету и положила ее на стойку. Звон металла привлек внимание нескольких ближайших посетителей.

- Я согласна на угол в общей спальне. Заплачу вдвое.

Хозяин посмотрел на монету, затем снова на Кристин и покачал головой.

- Дело не в цене, месье. Кровати заняты, стойла в конюшне тоже. Я не могу продать то, чего у меня нет. Извините.

Кристин резко схватила монету, развернулась и вышла на улицу, хлопнув дверью. Улица встретила ее надвигающимися сумерками. Небо затянуло тучами, фонари еще не зажгли. Кристин села в седло, чувствуя, как усталость наваливается новой волной. Мисти фыркнула, чувствуя настроение хозяйки.

- Проклятье, - прошептала Кристин.

Она пустила лошадь шагом, объезжая следующие постоялые дворы. «Три короны», «Старая башня», «Золотая бочка» - ни в одном не нашлось свободной комнаты.

Стемнело окончательно. Город погрузился во мрак, освещаемый лишь редкими факелами у ворот домов, по улицам поползли длинные угрожающие тени. Кристин начала нервничать. Блуждая по городу, она оказалась в темном, узком переулке, где даже лунный свет не мог пробиться сквозь нависающие крыши.

Кристин вела Мисти под уздцы, так как булыжник был слишком скользким и неровным для верховой езды. Внезапно от стены отделились четыре фигуры. Они двигались бесшумно, словно кошки, перекрывая путь вперед и назад. Кристин замерла, инстинктивно положив руку на рукоять шпаги.

- Добрый вечер, месье, - прошипел один из них, выходя на свет единственного тусклого фонаря. На нем болтался рваный плащ, лицо скрывал глубоко надвинутый капюшон, а в руке блестело лезвие короткого кинжала.

Двое других шагнули ближе, окружая Кристин и Мисти с боков. Четвертый остался в тени, блокируя выход из переулка.

- Нам нужны твои деньги и лошадь, - продолжил главарь, делая шаг вперед. - Если не будешь шуметь, позволим тебе уйти живым.

Кристин медленно подняла свободную руку, показывая, что не сопротивляется, но пальцы другой руки уже обхватили эфес шпаги. Она оценивала ситуацию: четверо против одного. В открытом бою у нее мало шансов, особенно если они нападут одновременно.

- У меня мало денег, - сказала она ровным голосом, стараясь выиграть время.

- Мы сами посчитаем твои деньги, - усмехнулся главарь и сделал резкий выпад, пытаясь схватить поводья.

Внезапно позади послышался глухой звук, словно на землю уронили тяжелый мешок, и раздался насмешливый голос:

- Какие-то проблемы, парни?

Грабители вздрогнули и обернулись. Из тени арки медленно вышел человек — очень высокий, широкоплечий, он почти полностью закрыл собой проход. Судя по легкой, пружинистой походке, он был молод, в каждом его движении чувствовалась опасная, хищная грация. Ночная тьма скрывала его лицо, видны были лишь темные волосы до плеч. В руке он небрежно, но уверенно держал шпагу, лезвие которой тускло поблескивало в полумраке.

- Иди своей дорогой, - рявкнул главарь. — Это не твое дело.

- Ну уж нет, - усмехнулся незнакомец. - Не могу смотреть на такую вопиющую несправедливость. Четверо против одного? Да еще и мальчишку обижаете? Стыдно должно быть, господа разбойники.

Главарь молча взмахнул рукой и тьма в переулке ожила.

Двое бросились на незнакомца. Тот быстро шагнул вперед и нанес резкий удар рукоятью шпаги в солнечное сплетение первому нападавшему. Разбойник согнулся пополам, хрипя и задыхаясь.

Второй попытался ударить ножом в бок. Незнакомец развернулся словно танцор, шпага в его руке описала короткую дугу. Лезвие ударило плашмя по запястью нападавшего с такой силой, что нож со звоном отлетел в канаву. Следующим движением гигант поддел противника ногой под колено, и тот, потеряв равновесие, с размаху впечатался лицом в грязную стену дома.

Кристин достался более осторожный противник: он не бросался в атаку, а кружил вокруг нее, заставляя Мисти нервничать. Лошадь билась в поводьях, копыта скользили по булыжнику.

Наконец разбойник сделал выпад. Кристин резко дернула поводья, заставляя лошадь шарахнуться в сторону, и шагнула вперед. Ее шпага взметнулась серебристой молнией. Парировав грубый удар противника, она скользнула клинком вниз по его лезвию и нанесла быстрый укол в бедро.

Лезвие вошло глубоко. Разбойник завыл от боли, его нога подкосилась, и он рухнул на мостовую, хватаясь за окровавленную штанину.

За спиной послышался шорох. Не оборачиваясь, Кристин резко присела. Тяжелая дубина просвистела над самой макушкой, едва не сбив шляпу. Не теряя ни секунды, Кристин развернулась на каблуках и нанесла удар рукоятью шпаги прямо в висок нападавшему. На мгновение он замер, затем медленно сполз по стене, оставляя за собой кровавый след.

Наконец наступила тишина. Двое грабителей лежали без сознания, третий, держась за окровавленное бедро, пытался ползти прочь, а четвертый уже давно исчез в лабиринте улиц.

Незнакомец опустил шпагу.

- А ты молодец, парень. Умеешь обращаться с оружием.

Незнакомец говорил с легким, едва уловимым акцентом. Его низкий, тягучий голос обволакивал, словно густой мед. Он странным образом успокаивал и одновременно возбуждал, заставляя сердце биться быстрее, а кожу покрываться мурашками. В животе собралась горячая, тяжелая волна, разливающаяся по телу приятным дурманящим жаром.

Несмотря на только что пережитый ужас, Кристин почувствовала внезапный острый интерес к этому человеку.

Она хотела ответить, поблагодарить, но пересохшее горло не могло вытолкнуть ни слова. Язык прилип к небу, мысли путались. Лишь кивнула, благословляя темноту, скрывающую пылающие щеки.

- Эй, парень, ты в порядке?

Незнакомец подошел ближе и слегка потрепал ее за плечо. От его касания по телу Кристин пробежала дрожь. Она ощутила исходящее от него живое тепло и вдохнула его запах - терпкий, дурманящий аромат нагретой солнцем хвои, смешанный с запахом холодной стали.

Этот аромат ударил в голову сильнее вина. Наваждение не проходило. Оно сгущалось, становилось липким, как тот самый мед, которым звучал его голос.

Она снова кивнула, не смея поднять глаз, боясь, что он увидит в них слишком много, и смогла хрипло выдать:

- Да... спасибо... если бы не вы....

- Да ну, - усмехнулся незнакомец. - Ты бы и сам неплохо справился. Ну что ж, удачи тебе.

С этими словами он развернулся и зашагал прочь, растворившись в лабиринте улиц. Его шаги гулко отдавались в камне, пока не утонули в ночной тишине.

Кристин осталась одна посреди переулка, рядом с поверженными грабителями и дрожащей Мисти. С его уходом она почувствовала непонятное, щемящее одиночество - словно из груди вырвали часть души. Холод ночи мгновенно пробрался под одежду, сменив жар, что дарило его присутствие.

Она устало присела на кучу каких-то старых досок у стены, чувствуя, как ноги становятся ватными, и задумалась, не зная, что делать дальше. Ночевать на улице было невозможно - стража или новые грабители найдут ее за считанные минуты. Искать другой постоянный двор в такой час? Бесполезно. Все двери уже закрыты, а те, что открыты, скорее всего, полны пьяной толпы, которая опаснее уличных грабителей.

Мисти ткнулась влажным носом ей в плечо, требуя внимания, но Кристин не заметила этого, погруженная в свои невеселые мысли.

Внезапно сердце снова заколотилось, внутри что-то завибрировало, а на плечо знакомым касанием легла тяжелая рука.

- Тебе есть куда идти?

Кристин медленно подняла голову и в тусклом свете фонаря наконец увидела лицо незнакомца.

Он был молод, лет двадцати пяти-тридцати. Его резко очерченное лицо было красиво суровой, какой-то хищной красотой: высокий лоб, прямой узкий нос, волевой подбородок и высокие острые скулы. Кожа была смуглой, словно он много времени проводил под солнцем, темные волосы падали на лоб небрежными прядями.

Глубоко посаженные миндалевидные глаза были цвета розового неба – темно-серые, с легким, едва заметным голубым оттенком и темными крапинками, как капли дождя на стекле. Их взгляд казался хмурым из-за низких изломанных бровей.

Левую сторону лица уродовал толстый багровый шрам в форме неправильной буквы V. Он начинался у виска, глубокой грубой бороздой спускался к скуле и поднимался к переносице, пересекая щеку. Кожа вокруг шрама выглядела воспаленной, розовой и блестящей, словно не успела полностью затянуться и побледнеть.

Кристин замерла, глядя на него. Шрам не пугал ее. Наоборот, он придавал хозяину какое-то обаяние, делая его более опасным, но в то же время уязвимым. В этой багровой отметине крылась некая странная притягательность, от которой у Кристин перехватило дыхание.

- Ну так что? – поторопил с ответом незнакомец

- Нет... - выдохнула она, и голос снова охрип, выдавая волнение. - Я пытался найти комнату, но все постоянные дворы переполнены. Город словно с ума сошел сегодня.

- Понимаю... - протянул он. - Мне повезло больше, чем тебе. Я успел снять комнату в «Серебряном ключе». Она на двоих, но живу я там один. Заплатил за оба места, чтобы не беспокоили. Так что могу предложить тебе свое гостеприимство. Хотя бы на эту ночь.

- Но как... - замаялась Кристин. - Ведь мы же совсем незнакомы...

Незнакомец криво усмехнулся. Уголок его четко очерченного рта дернулся, багровый шрам на щеке болезненно натянулся, став еще заметнее.

- Не бойся, грабить тебя я не собираюсь. У меня достаточно своих денег. И... кхм... - он слегка откашлялся, и в его голосе проскользнуло смущение, которое так странно контрасти-

ровала с его хищной внешностью. - Извращенных наклонностей у меня нет. Любовью я занимаюсь только с девушками.

Теперь смутилась Кристин. Кровь прилила к лицу так сильно, что, казалось, уши сейчас загорятся.

- Нет, что вы, - забормотала она. - Я совсем не это имел в виду... я просто...

Она замолчала, смутившись окончательно. Слова комом застряли в горле. Как объяснить, что она боялась не грабежа, а того, что ее тайну раскроют? Что боится не его домогательств, а собственной реакции на этого мужчину? Это было невозможно.

Увидев ее растерянность, незнакомец мягко улыбнулся.

- Джей, - протянул он руку.

Кристин колебалась мгновение, но затем наконец решилась и протянула свою ладонь в ответ.

- Вы ведь не француз, верно? - спросила она, не отнимая руки.

- Так же как и ты, - усмехнулся Джей. - Я из Ирландии. С зеленого острова, где дождь идет чаще, чем светит солнце.

- Крис... Из Йорка, - представилась она, крепче сжимая его ладонь. - И все-таки, почему вы помогаете мне? Вы могли бы просто пройти мимо, как сделали бы большинство людей.

Джей серьезно посмотрел на нее.

- Не знаю, Крис из Йорка, - ответил он, пожимая плечами. - Может быть, потому что мы родились по одну сторону пролива?

Он слегка наклонил голову, и уголок его рта дрогнул в полуулыбке.

- А может просто потому, что ты дерешься как дьявол. Это... впечатляет.

Потом резко сменил тон, возвращаясь к своей слегка насмешливой манере.

- Ну, а теперь, когда мы разрешили все философские вопросы, может, пойдем уже в «Серебряный ключ»? Я чертовски голоден.

Джей сделал паузу, бросив быстрый взгляд на Мисти, которая нетерпеливо перебирала копытами по булыжнику.

- И да, для твоей лошади место тоже найдется. Мне пришлось заплатить за два стойла.

«Серебряный ключ» был наполнен тихим, уютным гулом. Пахло жареным мясом, свежим хлебом и дымом от камина, который весело потрескивал в дальнем углу.

Джей провел Кристин к свободному столику в дальнем углу, подальше от сквозняка и любопытных взглядов.

Вскоре принесли ужин – ароматное рагу из кролика, корзину с горячим хлебом и кувшин темно-красного вина.

Кристин отломил кусочек хлеба, наблюдая за тем, как Джей уверенно управляет с рагу. Он ел молча, не говорил о себе, не задавал вопросов, а ее мучило любопытство.

Она сделала глоток вина, собираясь с духом, и спросила, стараясь говорить непринужденно:

- Вы надолго в Кале?

Джей замер с ложкой на полпути ко рту. Его серые глаза медленно поднялись на Кристин, и в них мелькнуло что-то холодное, отстраненное.

- Нет, - коротко ответил он. - Я здесь лишь проездом. Мой путь лежит дальше, на юг.

Он снова опустил взгляд в тарелку, давая понять, что разговор окончен.

Кристин почувствовала укол вины.

- Простите, - тихо сказала она, опуская глаза. - Я не хотел быть навязчивым.

Джей не ответил сразу. Он сделал глоток вина, словно охлаждая вспыхнувшее раздражение.

- Все в порядке, Крис. Просто я привык держать свои планы при себе.

Кристин продолжила есть, механически отправляя в рот куски хлеба и мяса, но не чувствуя вкуса. Ее мозг лихорадочно работал, анализируя слова Джея.

Он тоже едет на юг!

Путь, который она планировала пройти в одиночестве по незнакомым дорогам, полным опасностей. И вдруг рядом оказался человек, который не только спас ее от грабителей, но и двигался в том же направлении.

Что это? Случайное совпадение или шанс, посланный самой судьбой?

Можно ли предложить ему идти вместе?

Мысль была заманчивой, но рискованной. Джей только что четко дал понять: он не любит вопросов и ценит свою независимость. Предложение путешествовать вместе могло быть воспринято как навязчивость.

Но остаться одной на дорогах Франции, которые она совсем не знает... Это было безумием.

Она украдкой взглянула на него. Джей допивал вино, его профиль в свете свечи казался высеченным из камня.

Пока Кристин раздумывала, взвешивая «за» и «против», усталость, теплая еда и вино сделали свое дело. Глаза начали слипаться, мысли стали вязкими и медленными, словно патока.

Голова тяжело клонилась вниз. Она попыталась выпрямиться, моргнуть, прогнать сон, но тело уже не слушалось. Последним, что она увидела, прежде чем темнота поглотила ее сознание, был дрожащий огонек свечи на столе.

Кристин уснула, уронив голову прямо на столешницу, среди пустых тарелок и недопитого вина.

Джей допил оставшееся вино, чувствуя приятное тепло в желудке, и поднял взгляд, чтобы предложить Крису идти спать, но слова застряли у него в горле.

Голова юноши безвольно упала на деревянную столешницу, прямо рядом с пустой тарелкой из-под рагу. Джей моргнул, не веря своим глазам. Он догадывался, что парень устал, но чтобы вот так - уснуть посреди таверны, среди незнакомых людей?

— Эй, Крис, — тихо позвал он, наклоняясь ближе. — Просыпайся. Пойдем наверх.

Крис лишь тихо всхлипнул и что-то неразборчиво пробормотал.

- Да проснись же ты, черт возьми, - прошипел Джей, уже теряя терпение, но все еще стараясь говорить тихо. Он встряхнул парня за плечо чуть сильнее, чем планировал.

В ответ Крис издал какой-то сдавленный звук, его голова безвольно качнулась, едва не ударившись о край стола. Шляпа, которую он так и не снял, съехала набок, угрожающе свисая с головы.

Джей поморщился. Привлекать внимание к спутнику ему не хотелось.

- Упрямый парень, - буркнул он себе под нос, потом протянул руку и решительно нахлобучил шляпу обратно.

Оглядевшись по сторонам, Джей убедился, что никто из посетителей не обращает на них особого внимания. Хозяин был занят на кухне, другие гости обсуждали свои дела, погруженные в уютный полумрак зала.

- Ладно, спи, герой, - пробормотал Джей.

Он встал, обошел стол и, немного поколебавшись, закинул парня себе на плечо. Крис безвольно повис, его руки болтались у спины Джея, а голова уткнулась ему между лопаток. Шляпа чудом удержалась, хотя и съехала на затылок. Свободной рукой он ловко прихватил небольшую седельную сумку Криса и направился к лестнице.

Тело парня было легким, слишком легким. Под грубой тканью одежды ощущались тонкие, хрупкие кости, плечи были узкими, почти детскими, лопатки острыми, как крылья птицы. Когда Джей перехватил Криса повыше, чтобы было удобнее подняться по ступеням, его рука скользнула по бедру – мягкому, округлому, с плавными изгибами, совершенно не свойственными мужскому телу. И талия... Талия была такой узкой, что его пальцы почти смыкались вокруг нее.

Внутри шевельнулось подозрение.

«Да ну, ерунда, - Джей тряхнул головой, отгоняя от себя странные мысли. – Показалось. Парень просто слишком молод и не успел возмужать».

В коридоре второго этажа было тихо. Чертыхаясь и стараясь удержать одной рукой и Криса, и его сумку, Джей открыл дверь своей комнаты и вошел внутрь.

Комната не поражала роскошью, но была чистой и уютной. В углу стояли две простые деревянные кровати, сдвинутые вплотную друг к другу, так что их матрасы почти соприкасались, создавая иллюзию одного широкого ложа. На противоположной стороне потрескивал камин, в котором догорали угли, отбрасывая на стены пляшущие тени. У окна, занавешенного тяжелой тканью, стояли небольшой стол и потертое кожаное кресло.

У камина громоздился большой дубовый сундук, служивший одновременно и тумбой: на нем аккуратно стоял медный тазик и глиняный кувшин с водой для умывания. Над сундуком висело зеркало в простой деревянной раме.

Джей бросил сумку на сундук рядом с тазиком. Затем, спотыкаясь и ругаясь себе под нос, он пробрался к кровати и сгрузил Криса на матрас.

В этот момент злополучная шляпа, которую Джей так старательно поправлял в зале, наконец-то не выдержала. Она соскользнула с головы спящего и с тихим шлепком упала на пол.

Джей взглянул на кровать и у него перехватило дыхание.

По белой наволочке, переливаясь в скудном свете камина, рассыпались длинные, густые локоны. Они струились волнами почти до края кровати, тяжелые и темные, как ночь за окном.

Словно не веря собственным глазам, Джей протянул руку и коснулся гладких, прохладных прядей, скользящих между пальцами, как живой шелк. Захотелось прижать их к губам, вдохнуть аромат... Ощущение было таким неожиданным, что у него закружилась голова.

С трудом стряхнув оцепенение, он чиркнул кремнем, зажигая свечу, и осторожно поднес ее к лицу спящей.

Нежная фарфоровая кожа. Длинные, густые ресницы, отбрасывающие тень на бледные щеки. И губы... пухлые, чуть приоткрытые во сне, розовые и влажные.

Джей присвистнул – коротко, зло, насмешливо, и опустил свечу чуть ниже. Под тонким льном рубашки явственно просматривались очертания девичьей груди.

- Крис из Йорка, значит, - процедил он. - И как же я тебя раньше-то не раскусил?

Внутри поднималась холодная ярость. Эта чертовка провела его, как последнего идиота. Заставила волноваться, проявлять заботу, таскать на руках... И все это время смеялась над его доверчивостью.

И хуже всего было то, что ему сейчас совершенно не хотелось иметь дело с женщинами, с их тайнами, с их проблемами. Он просто хотел одиночества. А получил еще одну головную боль в лице этой спящей красавицы.

И как он теперь будет спать с ней в одной постели? Не двигать же мебель посреди ночи, рискуя перебудить всю гостиницу. Разбудить ее? Устроить скандал прямо сейчас?

Джей снова взглянул на кровать. Она спала, свернувшись калачиком, такая хрупкая, беззащитная. И такая красивая... Самая красивая девушка, что ему доводилось встречать.

На мгновение в душе шевельнулась робкая нежность, желание защитить это хрупкое существо от всех опасностей мира, но он решительно отогнал эти ненужные мысли.

- Хватит с меня чертовых баб, - прошипел он в темноту.

Одна сбежала от него, оставив дыру в сердце. От другой сбежал он сам, не выдержав груза ожиданий и лжи. Ему не нужно было еще одно разочарование.

Он просунул руку под рубашку и нащупал холодный металл кольца, висящего на кожаном шнурке у самого сердца. Бель... Синеглазая бестия с рыжими кудрями, чей смех еще эхом отдавался в его снах. Это напоминание было как ведро ледяной воды.

- Ладно, - решил он, стиснув зубы. - Сегодня переночую в кресле.

Старое кресло скрипнуло, когда он тяжело опустился в него, вытянув длинные ноги. Было неудобно, холодно и жестко, но зато безопасно. Безопасно для него. И для нее.

- В конце концов, это всего лишь на одну ночь, - пробормотал он, закрывая глаза и слушая ровное дыхание спящей девушки. - Завтра наши пути разойдутся. И я больше никогда ее не увижу.

Но почему-то эта мысль не принесла облегчения.

Джейсон О'Доннелл всегда считался счастливчиком. По крайней мере, так говорили люди, завидуя его удаче и богатству.

Он родился в живописном, но суровом Кинсейле, в графстве Корк. В этом месте земля встречалась с морем в вечной борьбе: высокие скалы, изрезанные бухтами, соленый ветер, который не стихал никогда. Его отец Шеймус О'Доннелл и его младший брат Конор владели крупнейшей судоходной компанией на юге Ирландии. Их флот бороздил воды от Балтики до Карибов, перевоза шерсть, вино, специи и другие, менее законные грузы. О'Доннеллы не брезговали и пиратством, если представлялась возможность легко пожить или устранить конкурента.

Джей вырос под скрип мачт и шум волн, свои первые шаги он сделал по качающейся палубе отцовского корабля. Запах смолы, мокрого каната и морской соли был для него привычнее, чем запах дома. Море было его нянькой, учителем и лучшим другом. Имя ему дали в честь древнегреческого героя-аргонавта Ясона, словно сама судьба готовила его к жизни среди волн.

Его отец и мать, Эйлин, безумно любили единственного сына. Но когда Джей было всего шесть лет, судьба нанесла первый сокрушительный удар. В графстве разразилась эпидемия «белого горла». Болезнь пришла неожиданно и унесла жизни родителей всего за одну неделю. Маленький Джей остался сиротой, не успев даже толком осознать потерю. Это было его первое горе, которое оставило шрам на душе, более глубокий, чем любой клинок.

Его воспитанием занялся младший брат отца Конор. У самого Конора сыновей не было - только четыре дочери, поэтому он и его жена Маргарет относились к племяннику как к родному сыну. Джей рос в любви и достатке, окруженный заботой кузин, которые обожали своего единственного «брата».

Конор понимал, что мальчику нужно дать больше, чем просто умение держать штурвал, потому отправил Джейсона в Париж, чтобы тот получил образование. За те три года, что он провел во Франции, Джейсон научился говорить на трех языках, танцевать, вести светские беседы и разбираться в искусстве. Он одинаково хорошо чувствовал себя и в блестящих салонах знати, и на грязной, шумной палубе корабля под штормовым небом.

Парижский лоск не вытравил из него ирландскую кровь. Он отлично фехтовал, метко стрелял из пистолета, лихо ездил верхом и мог уложить на лопатки любого портового драчуна.

Когда ему исполнилось девятнадцать лет, он вернулся домой. Дядя Конор, гордый успехами племянника, встретил его с распростертыми объятиями, и отдал ему под командование флагман судоходной компании - быстроходный и мощный фрегат «Чайка».

Джейсон стоял на мостике, чувствуя ветер в волосах, и смотрел на горизонт, веря, что весь мир лежит у его ног. Жизнь казалась праздником, который никогда не закончится.

Женщины любили его. Высокий, шести с половиной футов ростом, с широкими плечами и сильными руками он выделялся в любой толпе, притягивая взгляды.

В нем удивительным образом сочетались дикая, необузданная сила и галантность парижского кавалера.

Он тоже любил женщин. Любил их разнообразие, их загадочность, их страсть. Для Джея они были источником радости и вдохновения. У него не было недостатка в поклонницах: от богатых аристократок до экзотических танцовщиц в портовых тавернах Марселя и Кадиса. Он был щедр, внимателен и брал от жизни все, не давая пустых обещаний. Он любил их всех, но ни к кому не привязывался всерьез.

Пока не появилась она. Его Бель. Его счастье. Его мечта, обернувшаяся кошмаром.

Никто не знал, откуда Изабель взялась в Кинсейле. Она возникла словно из морской пены или тумана, окутывающего бухту по утрам. На расспросы местных сплетниц она отвечала уклончиво и невнятно: родом с юга Англии, сбежала от дяди-тирана, который имел на нее виды. История была мутной, но всем было плевать. Сплетни о ее побеге быстро превратились в легенду, обрастая все более невероятными подробностями. Кто-то шептался, что она дочь пирата, кто-то - что сбежавшая невеста лорда. Сама Изабель лишь загадочно улыбалась и никогда не подтверждала, но и не опровергала слухи.

Изабель была огнем. Буйные рыжие кудри, которые невозможно было укротить, пронзительно-синие глаза, в которых плясали бесенята, и кожа белее молока. Дерзкая, независимая, она не боялась никого и ничего. С одинаковым азартом она танцевала до упаду в дыму портовых таверн и стояла у штурвала «Чайки», когда Джей брал ее в море.

И этот огонь опалил его сердце. В двадцать четыре года Джейсон О'Доннелл, знавший толк в женщинах и жизни, наконец понял, что такое любовь.

Два года они жили в объятиях страсти. Все, что не было связано с Изабель, отошло на второй план, стало скучным, серым и ненужным. Существовала только она. Мир сузился до глубины ее синих глаз и звуков ее смеха.

Впервые в жизни Джей задумался о будущем. О доме. О детях, бегающих по саду, - шумных, веселых, с ее рыжими кудрями и синими глазами.

В Дублине он заказал кольцо: тяжелое, золотое, с крупным сапфиром глубокого синего цвета, точь-в-точь под цвет ее глаз. Оно лежало в бархатной коробочке в его каюте, ожидая своего часа.

Он был счастлив. По-настоящему, глубоко, всем существом. И именно это счастье сделало последующий удар еще больнее.

Солнечным сентябрьским днем, когда море было спокойным и ласковым, дядя Конор позвал его для разговора.

- Мальчик мой, - начал он, не поднимая глаз от бумаг. - Я предоставил тебе достаточно свободы. Ты увидел мир, ты командуешь лучшим кораблем флота, ты нагулялся вдоволь. Думаю, пришло время повзрослеть.

Джей почувствовал холодок в животе.

- Я хочу, чтобы ты женился на моей младшей дочери, Кейтлин. Она добра, скромна и любит тебя как брата. Это будет хороший союз. В приданое за ней я дам свою долю в компании, так что она снова окажется в одних руках. В твоих руках, Джейсон.

Кейтлин. Тихая, бесцветная девушка с безмятежным пустым взглядом, которая постоянно сидела в гостиной и вышивала бесконечные узоры на бесконечных скатертях. Она была хорошей, доброй и послушной, но в ней не было огня, не было страсти, не было той искры, что зажигала кровь. Ее мир ограничивался стежками вышивки: крестики, гладь, аккуратные цветочки, которые никогда не увядали, но и никогда не жили по-настоящему.

Он не мог променять Изабель - свою рыжую бестию, свой шторм и свое счастье - на тихую жизнь с Кейтлин. Даже взамен на полное владение компанией. Даже если бы ему предложили весь мир.

- Но дядя, ты же знаешь... - голос Джея дрогнул, выдавая отчаяние. - Я и Бель... Я люблю ее и хочу жениться на ней.

- А, эта... - небрежно отмахнулся Конор. - Если уж ты так привязался к этой девице, можешь оставить ее своей любовницей. Разумеется, не нарушая приличий и не оскорбляя Кейтлин публично. Купи ей дом, если потребуется. Но твоей женой и матерью твоих детей будет Кейтлин.

- Не говори о ней в таком тоне, - в голосе Джея зазвенела сталь.

- Хорошо, - рассмеялся дядя, разводя руками в жесте мнимого примирения. - Прости, племянник. Я забыл, что ты у нас романтик. Не девицу, а... достойную во всех отношениях особу.

- А если я откажусь?

- Я уверен, что ты согласишься, мой мальчик, - мягко произнес Конор. - Просто тебе нужно хорошо подумать. У тебя есть неделя. Не разочаруй меня.

Выйдя из кабинета, он вихрем пронесся по гостиной, не заметив Кейтлин, которая, как обычно, вышивала в углу, рванул дверь и побежал к берегу моря.

Соленый ветер ударил в лицо, остужая пылающую голову. Отказаться от Изабель - невыносимо. Предложить ей стать тайной любовницей — значит оскорбить ее.

Оставался только один выход: взять «Чайку» и уехать с ней. Во Францию, в Италию, хоть в Новый Свет. Они обвенчаются и вернутся через несколько лет, когда страсти улягутся.

Дядина половина компании ему не нужна. Ему хватит своей доли, которую он унаследовал от отца. Дядя не сможет забрать ее.

А пока его не будет, их старый управляющий Рори Маккол позаботится о его интересах, как делал это всегда с момента смерти отца. Верный Рори, надежный, как скалы Кинсейла, знал все тайны компании лучше самого Конора. Он любил Джея как родного сына и никогда не подводил. Под управлением Рори его доля в компании приносила ему огромную прибыль, даже когда он месяцами был в море.

Тем же вечером, когда луна поднялась над бухтой Кинсейла, окрашивая воду в серебро, Джей нашел Изабель. Она сидела на старом пирсе, свесив босые ноги в темную воду, и курила длинную голландскую трубку. Дым поднимался вверх, растворяясь в звездном небе.

Он рассказал ей все. Говорил быстро, сбивчиво, вкладывая в каждое слово всю свою любовь и отчаяние.

- Мы уходим завтра на рассвете, - закончил он, протягивая ей руку.

Изабель молча выбила трубку о камень, не глядя на него. Когда она наконец подняла глаза, Джею показалось, что в их глубине мелькнуло холодное разочарование.

- Бежать? - тихо переспросила она. Ее голос был ровным, лишенным эмоций. - Как воры в ночи? Оставив все: твой дом, твое имя, твои деньги?

- Не как воры, Бель, - ответил он, стараясь вложить в голос всю свою уверенность. - Как свободные люди. Я не хочу жить во лжи. Я не хочу видеть тебя своей тайной любовницей. Я хочу, чтобы ты была моей женой. Перед Богом и людьми. Разве это так мало?

Изабель отвернулась, глядя на темную воду бухты.

- Хорошо, - наконец сказала она тем же бесцветным голосом. - Если ты так хочешь... Я согласна.

Джея удивила ее реакция. Холодность, с которой она восприняла новость о побеге, так не вязалась с той страстью, что пылала между ними еще вчера, но он быстро отогнал сомнения, списав ее равнодушие на страх перед побегом и неизвестностью.

- Все будет хорошо, Бель, - тихо сказал он, подходя ближе и осторожно касаясь ее плеча.
- Я обещаю. Мы будем счастливы.

Изабель не обернулась. Она лишь чуть заметно вздрогнула от его прикосновения, но не отстранилась.

- Встретимся на рассвете, - произнесла она глухо, затем развернулась и пошла прочь, растворяясь в тенях ночного Кинсейла.

На рассвете «Чайка» подняла паруса. Туман еще стелился над водой, скрывая очертания берега, но ветер уже надувал полотнища, зовя корабль в открытое море.

Матросы бубнили себе под нос о том, что баба на борту - к несчастью, но слишком любили и уважали своего капитана, поэтому приняли Изабель.

И несчастье не заставило себя ждать.

На третьи сутки, когда они двигались вдоль сурового побережья Бретани, из утреннего тумана вынырнул испанский галеон. Не было предупреждений, не было требований сдаться - он сразу начал атаковать.

Первое же ядро пробило борт «Чайки» чуть выше ватерлинии. Дерево разлетелось щепками, но корпус остался цел — вода не хлынула внутрь. Однако удар был страшным: бизань-мачта затрещала, накренилась и с грохотом рухнула на палубу, увлекая за собой паруса и такелаж. Корабль потерял управление, его развернуло бортом к ветру и волнам.

- Абордаж! - закричал кто-то.

Испанцы пошли на сближение. Крючья впивались в борта, канаты натягивались, как струны. На палубу «Чайки» посыпались вооруженные люди.

Бой был коротким, грязным и кровавым. Джей дрался как одержимый, его тяжелая сабля сверкала в дымке пороха, оставляя за собой кровавые росчерки, но врагов было слишком много.

В разгар схватки испанский офицер сделал ложный выпад, а затем резко дернул клинком вверх. Острое лезвие рассекло лицо Джей, глубокая рана потянулась от левого виска через скулу и щеку к переносице.

Прежде чем он успел отшатнуться и вытереть кровь, второй испанец ударил его прикладом мушкета в бедро. Кость хрустнула, нога подкосилась, и Джей рухнул на колено. Третий удар – тяжелым сапогом в грудь - сломал ребра.

И тут, словно чудом, на горизонте показался английский военный корабль.

Его темный силуэт вырос из тумана стремительно и угрожающе. Пушечные порты были открыты, на мачте развевался королевский штандарт. Увидев приближение фрегата Его Величества, испанцы стушевались. Столкновение с военным судном было безумием.

- Отступаем! - закричал капитан.

Испанцы поспешно рубили канаты, отталкиваясь веслами от борта «Чайки». Английский корабль, не обращая внимания на покалеченную «Чайку», прошел мимо, уходя в погоню за галеоном.

Джей стоял, опираясь на мачту. Лицо горело огнем, нога не слушалась, каждый вздох отдавался адской болью в сломанных ребрах.

- Капитан! - крикнул боцман, подбегая к нему. - Вы живы?

Джей хотел ответить, но мир поплыл перед глазами. Последнее, что он увидел, было бледное лицо Изабель, появившейся на палубе.

А потом тьма поглотила его.

Очнулся Джей в своей комнате в доме дяди. Мягкая перина, запах лаванды и тишина, нарушаемая лишь треском огня в камине. Голова раскалывалась, рана на лице горела и пульсировала, нога была туго забинтована и приподнята на подушках.

У кровати сидел дядя. Казалось, за эти дни он состарился на годы. Глубокие морщины прорезали лоб, в глазах читалась неподдельная тревога.

- Слава богу, ты очнулся, мальчик мой, - тихо сказал он. Голос его чуть слышно дрожал.
- Мы думали, ты не выживешь. Рана воспалилась. Ты пять дней пролежал в лихорадке.

Джей попытался сесть, но тело отказало. Боль в сломанных ребрах пронзила грудь, заставив его задохнуться, а голова закружилась так сильно, что комната поплыла перед глазами. Он бессильно откинулся назад, чувствуя, как холодный пот выступает на лбу.

- Отдыхай, Джейсон. Самое главное тебе сейчас - выздороветь. Об остальном потом. Когда встанешь на ноги, мы решим, что делать дальше.

Конор сделал паузу, давая племяннику прийти в себя, и продолжил уже спокойным голосом:

- «Чайку» отвели на верфь. Остов цел, но корпус серьезно пострадал. Да и такелаж нужно менять полностью. Ремонт займет не меньше двух месяцев. Так что у тебя будет время опраться и обдумать все.

Джей едва ли слышал то, что говорил дядя. Для него имело значение лишь одно.

- Где... где Бель? — прохрипел он.

Дядя отвел взгляд, его пальцы нервно сжали край одеяла.

- Она ушла, Джейсон, - тихо сказал Конор. - Сразу же, как вы вошли в порт. Собрала свои вещи и исчезла. Никому ничего не сказала, записки не оставила.

Джей провалился в постели всю осень. За окнами желтели и опадали листья, шел дождь, а затем выпал первый снег, но для него время остановилось. Он лежал, глядя в потолок, и думал только о ней.

Едва встав с постели, он пытался выяснить, куда девалась Изабель. Хозяин трактира в Кинсейле, где она снимала комнату, развел руками:

- Уехала, мистер О'Доннелл. В Дублин. С каким-то торговцем тканями.

В середине зимы, когда боль наконец отступила, вернув ему свободу движений, Джей отправился в столицу. Он искал Изабель в портах, в тавернах, в домах богатых купцов. Спрашивал у торговцев, у извозчиков, у служанок. Но никто не видел девушку с рыжими волосами. Она словно испарилась. Растворилась в тумане Дублина, не оставив следа.

Он ездил еще два раза, но так и не смог отыскать ее.

И вот наконец в начале весны, когда солнце стало пригревать, а на улицах запахло сырой землей и первыми цветами, Джей, уже потеряв надежду, бесцельно бродил по Дублину. В узком переулке, где располагались лавки с галантереей и тканями, он задел плечом женщину, рассматривающую витрину с кружевами.

- Простите, мадам, - произнес он, отступая назад.

Женщина подняла голову и внутри у него все замерло.

Рыжие кудри, выбившиеся из-под модной шляпки. Пронзительно-синие глаза, расширенные от удивления. Белоснежная кожа.

Она стояла перед ним, одетая в дорогое шелковое платье, с золотыми серьгами в ушах и крупным рубином на пальце.

- Бель, - только и смог произнести Джей, схватив ее за руку.

Изабель вздрогнула и быстро оглянулась по сторонам, словно проверяя, не следит ли кто-то за ними. Затем выдернула свою руку с такой силой, что ногти оставили царапины на его коже.

- Тише! - прошипела она. - Не здесь и не сейчас. Ты привлекаешь внимание. Приходи сегодня после полуночи, - и она назвала адрес дома в престижном районе возле собора Крайст-Черч.

Затем развернулась и быстро пошла прочь, растворяясь в толпе прохожих.

Едва часы пробили полночь, Джей вышел в холодную дублинскую ночь и направился к собору Крайст-Черч.

Дверь каменного дома с огромными окнами открылась почти мгновенно, словно все это время Изабель ждала его у порога.

- Я не буду оправдываться и извиняться, - сразу заявила она. – Во всем виноват ты сам. Я хотела быть с человеком, у которого есть деньги и положение в обществе. С тем, кто сможет дать мне все, о чем я мечтала. А ты предложил мне бежать неизвестно куда. Бросить все. Стать женой беглого капитана и прозябать где-нибудь в захолустном порту Франции или Италии.

Каждое ее слово било сильнее, чем испанская сабля.

- Я предлагал тебе любовь, - тихо сказал Джей.

- Любовь не греет зимой. Не защищает от голода.

Не дождавшись ответа, Изабель подошла к нему ближе и положила руку на плечо – легко, почти ласково.

- Милый мой Джейсон, неужели ты поверил в сказочку про похотливого дядюшку? - она тихонько засмеялась, и этот смех прозвучал как звон разбитого стекла. - Моя мать была обычной продажной девкой. Она даже не знала, кто был моим отцом. Возможно, какой-нибудь матрос, возможно, торговец рыбой. Какая разница? Когда мне исполнилось шестнадцать, она продала меня богатому графу из Лондона за бутылку дешевого виски и пару монет. Пять лет я была его содержанкой, выполняла все его прихоти, а потом он нашел себе дурочку помоложе. Меня же выставил за дверь, дав немного денег. Я села на первый попавшийся корабль и оказалась в Кинсейле.

Джей смотрел на нее и не узнавал.

Там, в Кинсейле, в скромном платье и с волосами, повязанными простой лентой, она выглядела милой, свежей и живой. Сейчас же перед ним стояла обычная продажная девка, каких полно на улицах любого портового города.

Слишком низкий вырез платья обнажал грудь так вызывающе, что это граничило с пошлостью. Щеки и губы были густо накрашены, делая лицо похожим на маску. В нос бил тяжелый, сладкий аромат дорогих духов.

Словно прочитав его мысли, Изабель погладила его по лицу. Украшенные кольцами пальцы скользнули по багровому шраму, пересекающему щеку.

- А этот шрам тебя не так уж и портит, - произнесла она задумчиво, склонив голову набок. - Даже придает тебе какой-то мрачной загадочности. И знаешь... Я не против, если ты будешь навещать меня иногда. Только нужно заранее договариваться о времени, чтобы мой богатенький дурачок не узнал. Он ревнив и глуп, но щедр. А ты будешь моим маленьким секретом.

Внутри поднималась липкая, тяжелая тошнота. Ее прикосновения были отвратительны, словно по коже ползали холодные, скользкие пиявки. Джей едва подавил острое желание вытереть щеку.

- Заманчивое предложение, - медленно произнес он. - Но я, пожалуй, откажусь. Не люблю делиться ни с кем своими вещами, - он скривил губы в гримасе отвращения, глядя на нее сверху вниз. – А тебя оставляю твоему «дурачку». Пусть пользуется.

Изабель замерла. Улыбка сползла с ее лица, обнажив растерянность и злость.

— Вот как? - протянула она, и в ее голосе зазвенели опасные нотки. - Зачем же ты тогда пришел, Джейсон? Разве не за этим?

Джей уже стоял у двери. Он положил руку на медную ручку и обернулся в последний раз.

- Наверное, для того, чтобы увидеть тебя настоящую, - тихо ответил он. - Прощай, Бель, - и вышел за дверь, плотно закрыв ее за собой.

Густой молочный туман стелился над брусчаткой, скрывая дома и прохожих, превращая город в лабиринт теней. Джей шел, не чувствуя холода, проникающего сквозь плащ. Он пытался распутать паутину лжи и самообмана, которая окружала его последние два года.

Любил ли он ее? Этот вопрос мучил Джея всю ночь, пока он бродил по холодным улицам Дублина. И чем дольше он думал, тем очевиднее становился ответ: нет, это была не любовь.

Чтобы любить нужно видеть душу. А Джей даже не пытался узнать Изабель по-настоящему. Он принял ее легенду о побеге от дяди за чистую монету, потому что она ему нравилась. Потому что она идеально вписывалась в романтический образ, который он сам для себя создал.

Это было нечто иное - опасная смесь похоти и азарта охотника. Изабель была самой красивой, дерзкой и недоступной девушкой на побережье. Для Джея, избалованного легкими победами, она стала главным трофеем. Ему хотелось не просто быть с ней, а завоевать ее. Доказать себе, что он способен получить все, что захочет.

Ему вскружила голову красивая оболочка, но за этой маской скрывалась пустота, которую он отказывался замечать.

Можно ли любить человека, которого не знаешь? Нет. Можно быть одержимым, можно желать, можно играть в героя-спасителя. Но любовь рождается только из правды. Когда маска спала, иллюзия рассыпалась. Осталось лишь горькое осознание собственного тщеславия и глупости. Он любил не Изабель. Он любил свою мечту о ней.

Джей остановился у парапета на набережной Лиффи. Темная вода медленно текла мимо, унося с собой городской мусор и отражения тусклых фонарей.

Он достал из кармана кольцо с сапфиром, холодно блеснувшее в свете тусклого фонаря, и хотел выбросить его в реку, чтобы избавиться от этого символа боли, предательства и собственной глупости. Рука уже занеслась над водой...

Но передумал. Вместо этого снял с шеи тонкий кожаный шнурок, продел через него кольцо и снова надел на шею, спрятав под рубашкой. Холодный металл прижался к груди, прямо над сердцем. Пусть остается как память о любви, которой не было.

Вряд ли он сможет еще раз поверить женщине. Вряд ли полюбит по-настоящему. Сердце закрылось на замок, ключ от которого он выбросил вместе с иллюзиями. Теперь там была только пустота.

Туман над Лиффи начал рассеиваться. Город просыпался. Джей глубоко вдохнул сырой утренний воздух, развернулся и пошел прочь от реки.

Через четыре дня он вернулся в Кинсейл.

На немой вопрос дяди, застывшего в дверях кабинета, он лишь коротко сказал:

- Все кончено.

Конор внимательно посмотрел на племянника и успокаивающе похлопал его по плечу.

- Возможно, это и к лучшему, мальчик мой, - мягко произнес он. - Теперь ничто не мешает тебе жениться на Кейтлин.

Джейсон молчал, глядя в окно на серое море.

- Но я не буду тебя торопить, - продолжил Конор. - Пока приходи в себя, залечи раны. После Иванова дня объявим о помолвке, а свадьбу устроим в декабре. Кейтлин еще молода, авось не увянет за это время, - хохотнул он, пытаясь разрядить обстановку.

Джей лишь безразлично кивнул. Внутри была пустота. Кейтлин или кто-то другой - теперь для него не было разницы. Он не любит ее и никогда не полюбит, но хотя бы выполнит свой долг перед семьей.

Кейтлин все так же вышивала в гостиной. Взгляд ее оставался таким же безмятежным, спокойным, как поверхность пруда в безветренный день, но в глубине ее светлых глаз Джей видел страх и отвращение. Каждый раз, когда ее взгляд случайно натыкался на багровый шрам, пересекающий его лицо, она едва заметно вздрагивала.

Джей пытался поговорить с ней. Пытался узнать ее получше, найти хоть какую-то искру, за которую можно было бы зацепиться. Он спрашивал о книгах, которые она читала, о музыке, о погоде. Но разговоры вязли, как колеса в грязи. Кейтлин отвечала односложно, вежливо, но холодно.

Однажды он спросил ее прямо:

- О чем ты мечтаешь, Кейтлин? Если бы у тебя была возможность выбрать что угодно, чего бы ты хотела?

Кейтлин смешалась. Игла замерла в воздухе. Она опустила голову, пряча глаза, помолчала, словно боясь сказать лишнее. И наконец, с видимым облегчением, выдавила заученную фразу:

- Быть хорошей дочерью и выполнить волю отца. Быть хорошей женой и подарить мужу наследников.

Джей почувствовал, как внутри все сжимается от ужаса. Связать свою жизнь с ней означало похоронить себя заживо под слоем пыли, тишины и неподвижности. Превратиться в такую же бездушную куклу, которая будет пить чай и обсуждать погоду, пока душа медленно умирает от скуки.

И он принял решение. Уехать на юг. Во Францию, Италию... может быть, даже в Турцию. Туда, где никто не будет знать, кто он. Начать новую жизнь.

Наняться на корабль, пусть даже простым матросом. Тянуть канаты, чистить палубу, спать в сыром трюме. А потом... А потом будь что будет. Судьба сама распорядится. И если ему суждено умереть – пусть. Возможно, так будет даже лучше.

Дождливой майской ночью Джей уехал. С собой он взял только свои деньги и, поддавшись непонятному порыву, обручальное кольцо матери. Он не знал, зачем берет его. Может, как талисман. А может, как единственное напоминание о доме, который он больше никогда не увидит.

Вот так он и оказался в Кале.

Открыв глаза, Кристин долго не могла понять, где она. Низкий потолок, темные закопченные балки. Воздух пах старым деревом и остывшим пеплом.

Постепенно к ней возвращались воспоминания. Грабители в темном переулке... Незнакомец с волнующим голосом, который предложил ей помощь... Ужин в общем зале таверны... А потом темнота.

Сердце екнуло. Она ночевала с мужчиной?

Ее почти захлестнула паника, но тут взгляд упал на кресло у окна. Там, свернувшись в неудобной позе, спал Джей. Кристин с облегчением вздохнула, чувствуя, как напряжение покидает тело.

«Да кого интересуют приличия, - подумала она с горькой усмешкой. - Я на материке, в сотнях миль от дома, здесь меня никто не знает».

Кристин машинально убрала упавшую на лицо прядь волос.

Волосы?

Черт, черт, черт! Он же принял ее за парня! Весь вечер он обращался с ней как с юношей. А теперь... Теперь ее маскировка слетела вместе с ее шляпой.

Где тогда шляпа?

Взгляд метнулся по комнате. А, вот она. Лежит на полу у кровати.

Кристин замерла, прислушиваясь к дыханию Джея. Может, шляпа упала после того, как он уснул, и он ничего не видел?

Она осторожно завопилась на кровати, пытаясь собрать волосы и вновь заправить их под шляпу.

- Можешь не торопиться, Крис из Йорка. Я все видел, - раздался низкий, еще сонный голос.

Кристин замерла, чувствуя, как кровь отливает от лица. Она медленно повернула голову. Джей полулежал в кресле, один его глаз был закрыт, другой смотрел прямо на нее.

- Простите, - вспыхнув, забормотала она. – На самом деле меня зовут Кристин. И я... Я просто...

Он поднял руку, останавливая поток ее оправданий.

- Причины твоей лжи мне абсолютно неинтересны, - отрезал он. – И мне все равно, кто ты. Сейчас мы позавтракаем, а потом каждый пойдет своей дорогой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.